

Ф. А. Улинскій

Бѣловѣжская Пуща

БѢЛОВѢЖСКАЯ ПУЩА И ЗУБРЫ.

ОЧЕРКЪ

Ф. А. ГЛИНСКАГО.

„Знать чужое любопытно,
свое—обязательно.“

CZYTELNIA KSIĄŻEK

Учащейся молодежи

посвящаетъ

Авторъ.

Бѣлостокъ.

Ноябрь—Декабрь 1898 г.

I.

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
БѢЛОВѢЖСКОЙ ПУЩИ.

„Кто въ силахъ изслѣдовать дивную пущу,
Пройти въ ея дебри, проникнуть въ ихъ гущу?
.....
.....
.....
.....
Лишь вѣдаютъ сказки, что въ ней тамъ сокрыто“.

 Лѣсъ, какъ природная защита отъ внѣшнихъ враговъ, какъ неисчерпаемый источникъ многихъ богатствъ и даровъ природы, какъ предполагаемое, наконецъ, мѣстопребываніе всякихъ божествъ,—для полудикаго, неприхотливаго и коснѣвшаго въ идолопоклонствѣ литовца составлялъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ почитанія. Произноси слова клятвы, литовецъ одной рукой прикасался обыкновенно къ священному дубу, другую же клалъ себѣ на голову. Преступникъ—туземецъ, которому удавалось скрыться въ „священную рощу“,—какъ назывались лѣса въ древне-языческой Литвѣ,—считался неприкосновеннымъ, между тѣмъ какъ иновѣрца за подобную дерзость ожидала неизбѣжная смерть.

Не только роши, но и отдѣльныя породы деревь были у Литовцевъ эмблемами разныхъ божествъ: такъ, напр., по „Мифологіи“ Нарбута (Narbut: „Dzieje staroż. nar. Lit. t. I“) Пухайтисъ, или богъ пущъ, считался покровителемъ священныхъ лѣсовъ и жилище свое имѣлъ подъ сиренью. Подвѣдомственны ему были: Баретуки, Маркополи и Коболи; орѣшникъ посвященъ былъ богинѣ Ласдонѣ, верба и липа—богинѣ Лоймѣ. Надъ всѣми же ими господствовалъ грозный громовержецъ Перкунъ или Перкунасъ, которому, какъ главному литовскому божеству, посвященъ былъ дубъ—символь силы и долголѣтія. Сохранившееся въ пѣсняхъ литовскихъ преданіе говоритъ, что жена царя змѣй и божества вода (Zaltis) была заключена въ ель (Egle), дочь его—въ осину (Drebeelle); изъ двухъ же сыновей ея одинъ—въ дубъ (Užoulas), а другой въ—ясень (Wouzis). Сосна, вишня, вязъ и даже бузина, (Sambe или Bezdas), подъ кустами которой жилъ Рагутисъ съ вышеупомянутыми баретуками или гномами, служили также у древнихъ литовцевъ предметами обожанія.

Величественный остатокъ этихъ высокочтимыхъ и охраняемыхъ первобытныхъ лѣсовъ и дремучихъ дѣвственныхъ дѣрей древней Литвы, достойный представитель красоты ихъ и величія, извѣстенъ нынѣ подъ именемъ *Бѣловѣжской пущи*.

Бѣловѣжская пуща расположена на плоской возвышенности, въ самой серединѣ Гродненской губерніи, и занимаетъ собою южную часть Волковыскаго и западную Пружанскаго уѣздовъ. Пространство ея (кромѣ присоединенной къ ней послѣ 1831 года Свислочской пущи) составляетъ до 22 квадр. миль (около 1076 квадр. верстъ); выражаясь же точнѣе, до 112079 дес. 2300 саж., изъ коихъ 88598 дес. 800 саж. находятся собственно подъ лѣсомъ. Разныя угодья и неудобныя земли занимаютъ 18598 дес. 1622 саж., и кромѣ того имѣются исключенныя изъ завѣдыванія Лѣснаго вѣдомства 5511 дес. 2278 саж.

Бѣловѣжская пуща пользуется довольно глубокою историческою извѣстностью. Литовецъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ привыкалъ къ борьбѣ съ дикими звѣрами, пріобрѣталъ въ ней силу, проворство и ловкость, наслѣдственно переходившія отъ отцовъ къ дѣтямъ и служившія имъ школою мужества и храбрости въ состязаніи съ непріятелями. Охота поэтому для древняго Литовца была удовольствіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и

потребностью жизни. Любовь народа къ охотѣ раздѣляли и великіе князья литовскіе, посвящавшіе всецѣло охотѣ свободное отъ трудовъ управленія время. Гедиминъ и Витовтъ послѣ одержанныхъ побѣдъ, по обыкновенію, отправлялись на охоту. Владиславъ Ягелло, пользуясь обиліемъ въ Бѣловѣжской пущѣ всякой дичи, а въ особенности зубровъ, часто здѣсь охотился. Въ 1426 г. тотъ же Ягелло съ женой и Литовскимъ княземъ Витольдомъ искали въ пущѣ убѣжища отъ страшной чумы, свирѣпствовавшей въ то время въ Польшѣ и Литвѣ. Весьма понятно, что вслѣдствіе этой любви къ охотѣ у великихъ князей, какъ дѣленіе великокняжескихъ пущъ, такъ равно и охрана лѣсовъ сдѣланы были примѣнительно къ охотѣ. Первое соотвѣтствующее законодательство мы встрѣчаемъ въ уставѣ Сигизмунда Августа, изданномъ въ 1557 г. Въ слѣдующемъ 1558 г. тотъ же король Польскій издастъ повелѣніе на имя Метибогевскаго старосты, Григорія Воловича, въ которомъ поручаетъ ему обозрѣть и описать всѣ пущи въ Великомъ Княжествѣ литовскомъ и звѣринные переходы, идущіе изъ—за Дибировскихъ полей къ этимъ пущамъ. Повелѣніе это было исполнено въ слѣдующемъ 1559 г. Всѣхъ пущъ, описанныхъ Воловичемъ, было 38. Изъ описанія ихъ можно убѣдиться, что большая часть пущъ дѣлилась на *оступы* т. е. на необходимыя для облавы пространства лѣса, причемъ было много оступовъ, называемыхъ зубринными, т. е. такихъ, въ которыхъ производились облавы на зубровъ, и что ближайшій надзоръ за пущами принадлежалъ т. н. *осочникамъ*. Въ 1636 г. по инструкціи короля Владислава IV учреждена была коммиссія для составленія т. н. *ординацій* правленія королевскими пущами въ 6. Княжествѣ Литовскомъ. Въ ординацію эту, оконченную въ 1641 г., изъ числа 38 пущъ вошли только 7, между ними и Бѣловѣжская.

О пространствѣ, занятомъ въ то время пущами этими, можно судить по слѣдующимъ даннымъ: всѣхъ оступовъ въ пущѣ, описанныхъ въ ординаціи, считалось 447; принимая средній обводъ каждаго изъ нихъ въ 2½ нѣмецкія или географическія мили, которыя были въ употребленіи въ Литвѣ съ самыхъ древнихъ временъ,—каждый оступъ заключалъ въ себѣ 0,49736 кв. мили, а всѣ 447 оступовъ 222,51 кв. мили или 1134770 дес. Составъ личнаго управленія королевскими пущами ограничи-

вался всего 1471 чел., простъ былъ также и способъ содержанія этого штата, т. е. на всѣхъ 1471 чел. приходилось среднимъ числомъ по 13 дес. земли.

Итакъ, какъ мы видимъ, Бѣловѣжская пуца издавна была государственной собственностью и имѣла особое управленіе. Въ отдаленныя времена на содержаніе охотниковъ—егерей и ловчихъ, своего рода лѣснаго войска, былъ установленъ особый налогъ въ количествѣ 4 грошей съ души. Изъ числа 277 семействъ, жившихъ тогда въ Бѣловѣжѣ въ качествѣ лѣсной стражи, каждая семья должна была по первому призыву выставять въ назначенное мѣсто одного егеря въ полномъ охотничьемъ вооруженіи; кромѣ того, съ 240 морговъ земли, занятой сторожами, было опредѣлено доставлять по 2 двуконныхъ воза подъ перевозъ оружія и другихъ необходимыхъ въ то время охотничьихъ принадлежностей. Окрестнымъ же волостямъ было вмѣнено въ обязанность готовить бочки и солить въ нихъ убитую дичь.

Въ XIV столѣтіи, какъ мы видимъ изъ актовъ Великаго Княжества Литовскаго, Бѣловѣжская пуца занимала огромное пространство земли, составляющей нынѣ уѣзды: Бѣлостокскій, Брестскій, Пружанскій, Сокольскій и Волковыскій. Но существовавшій въ древности обычай раздавать земли и права на рыбную ловлю, сборъ сѣна, закладки пасѣкъ въ государственныхъ лѣсахъ и т. п.—былъ впоследствии причиной значительнаго уменьшенія границъ этого обширнѣйшаго лѣснаго царства. Такъ, наприм., королемъ Сигизмундомъ I были отданы во владѣніе Бѣльска 582 дес. лѣса, а въ 1550 г. подарена старостѣ жмудскому, Герониму Ходкевичу, часть Бѣловѣжской пуцы, находящаяся на правомъ берегу Нарева и перешедшая въ количествѣ 25.000 дес. уже впоследствии отъ наслѣдника его, графа Викентія Тышкевича, въ казну.

Причиной уничтоженія лѣсовъ вообще, а въ Бѣловѣжѣ въ особенности, кромѣ вышеупомянутой пагубной по своимъ послѣдствіямъ раздачи лѣсовъ частнымъ лицамъ, были еще заводы, построенные въ разныхъ мѣстахъ пуцы, гдѣ еще въ XIV столѣтіи существовали 4 желѣзодѣлательныхъ завода и фабрика поташа. Для этихъ заводовъ и фабрикъ были специально выпи- сываемы рабочіе изъ Мазовіи и Жмуди, извѣстные подъ име-

немъ „будниковъ“. Не имѣя постоянного мѣстожителства, люди эти обитали въ такъ называемыхъ „будкахъ“, или шалашахъ, разбросанныхъ по всему лѣсу и переносимыхъ съ мѣста на мѣсто,—смотря по тому, гдѣ должны были производиться работы. Войны, пожары и бури не могли причинить лѣсамъ столько вреда, сколько эти „будники“. Гдѣ только останавливался „будникъ“ съ топоромъ въ рукахъ и ружьемъ за плечами, лѣсъ положительно превращался въ пустыню. Одиѣ непроходимыя трясины и болота останавливали опустошительную дѣятельность „будниковъ“, только тамъ находили убѣжище различные звѣри, и свободно могли чирикать и вить гнѣзда птицы.

Въ 1710 году Бѣловѣжская пуца была присоединена къ Брестской экономіи. Тогда заводы и фабрики замѣтно стали падать, и лишь одно пчеловодство было въ цвѣтущемъ состояніи: медъ собирали не гарницами, какъ теперь, а цѣлыми бочками.

Вскорѣ затѣмъ въ царствѣ Польскомъ и на Литвѣ произошелъ громадный переворотъ: Литва перешла во владѣніе Россіи, причемъ часть Бѣловѣжской пуцы, благодаря щедрости Екатерины II, была роздана разнымъ лицамъ. Между прочимъ, 20,000 дес. лучшаго лѣса достались фельдмаршалу Ферзену и Сиверсу; хуторъ-же Бѣловѣжъ и деревню Наревку-Скопово, съ ВЫСОЧАЙШАГО разрѣшенія, взялъ въ пятидесятилѣтнюю аренду графъ Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ.

До окончательнаго присоединенія Литвы къ Россіи разумная дѣятельность Антона Тизенгауза не осталась незамѣтной и на лѣсахъ Бѣловѣжской пуцы. Несмотря на то, что многія изъ дѣйствовавшихъ тогда въ пуцѣ промышленныхъ заведеній клонились уже къ упадку, доходъ ея все таки простирался, благодаря Тизенгаузу, до 40,000 руб. въ годъ. Этотъ благородный, хотя и недостаточно оцѣненный своими современниками, гражданинъ очистилъ хозяйственнымъ образомъ всѣ орошающія пуцу рѣки и рѣчки отъ массы поваленныхъ и затруднявшихъ доступъ къ нимъ деревьевъ; русла ихъ, гдѣ въ этомъ оказалась необходимость, регулировалъ; а рѣку Наревъ соединилъ съ Наревкой, у самаго устья ихъ, посредствомъ канала, протекающаго черезъ обширное болото „Никоръ“ и извѣстнаго подъ названіемъ „Тизенгаузовскаго“.

Въ царствованіе Императора Александра I, въ 1803 г., былъ воспрещенъ входъ въ Бѣловѣжскую пуцу безъ особаго разрѣшенія, охота-же на зубровъ, составляющихъ украшеніе пуцы, могла производиться лишь по особому ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію. Это однако, къ сожалѣнію, не спасло ни пуцы, ни зубровъ отъ систематическаго и постояннаго истребленія, и потому въ 1820 году была окончательно прекращена рубка лѣса въ пуцѣ. Съ теченіемъ времени, съ явнымъ вредомъ для молодыхъ деревьевъ, набралось такое множество высохшихъ или поваленныхъ бурей старыхъ деревьевъ, что въ 1842 г. однихъ лишь поваленныхъ сосенъ огромныхъ размѣровъ насчитывали 300,000 штукъ, даже въ то время и при тогдашнихъ условіяхъ это представляло миллионную цѣнность, но по причинѣ затруднительности сбыта все это постепенно и безвозвратно гнбло. Таково было положеніе дѣлъ до образованія въ Россіи Министерства государственныхъ имуществъ. Вскорѣ послѣ образованія этого министерства, въ 1833 году, въ Бѣловѣжскую пуцу была отправлена особая коммиссія, состоявшая изъ компетентныхъ лицъ, — лѣсныхъ офицеровъ и топографовъ, которая, приведя все въ возможный порядокъ, раздѣлила пуцу на 540 двухъ-верстныхъ участковъ (кварталовъ) и назначила 180 лѣтній срокъ рубки лѣса, дѣля его на шесть 30-ти лѣтнихъ періодовъ.

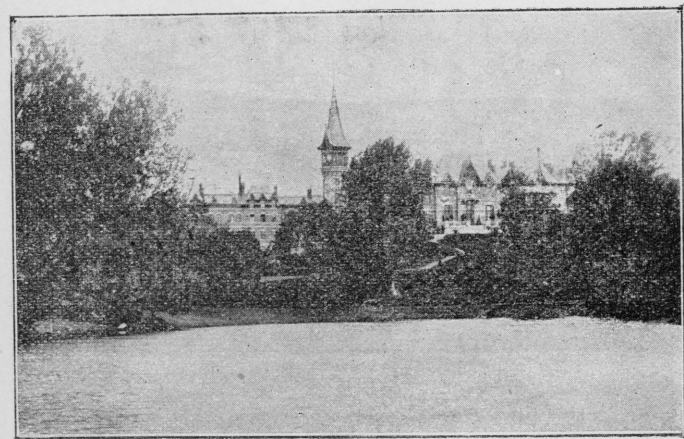
Результатъ умѣло заведеннаго и постоянно поддерживаемаго хозяйства получился прекрасный. Кто въ 1882 г. посѣтилъ промышленную Московскую выставку, тотъ не могъ не обратить вниманія на огромную пирамиду, составленную изъ древесныхъ матеріаловъ Бѣловѣжской пуцы. Доски, выпиленные изъ вѣковыхъ деревьевъ, поражали своей шириной, а образцы поперечнаго сѣченія дуба, ясеня, граба, клена и сосны, имѣвшіе не рѣдко аршина $1\frac{1}{2}$ въ діаметрѣ, а также экземпляры можжевельника и березы, принимающіе въ пуцѣ огромные размѣры, обращали на себя всеобщее вниманіе специалистовъ.

Затѣмъ, въ 1889 г., по Высочайшему указу Бѣловѣжская пуца перешла въ вѣдѣніе Удѣльнаго Вѣдомства. Государю Императору благоугодно было присоединить ее къ числу частныхъ владѣній Царствующаго дома, взаимѣ чего къ государственнымъ имуществамъ поступили 116713 дес. лѣса въ губерніи Орловской и Симбирской. Съ тѣхъ поръ пуца имѣла особое управленіе,

называвшееся Управленіемъ Бѣловѣжскаго Удѣльнаго Округа, коего Начальникъ жилъ въ селѣ Бѣловѣжѣ, гдѣ имѣется почтово-телеграфная контора, а равно телефонное сообщеніе со всѣми околотками, число которыхъ простирается до $1\frac{1}{2}$ тысячи.

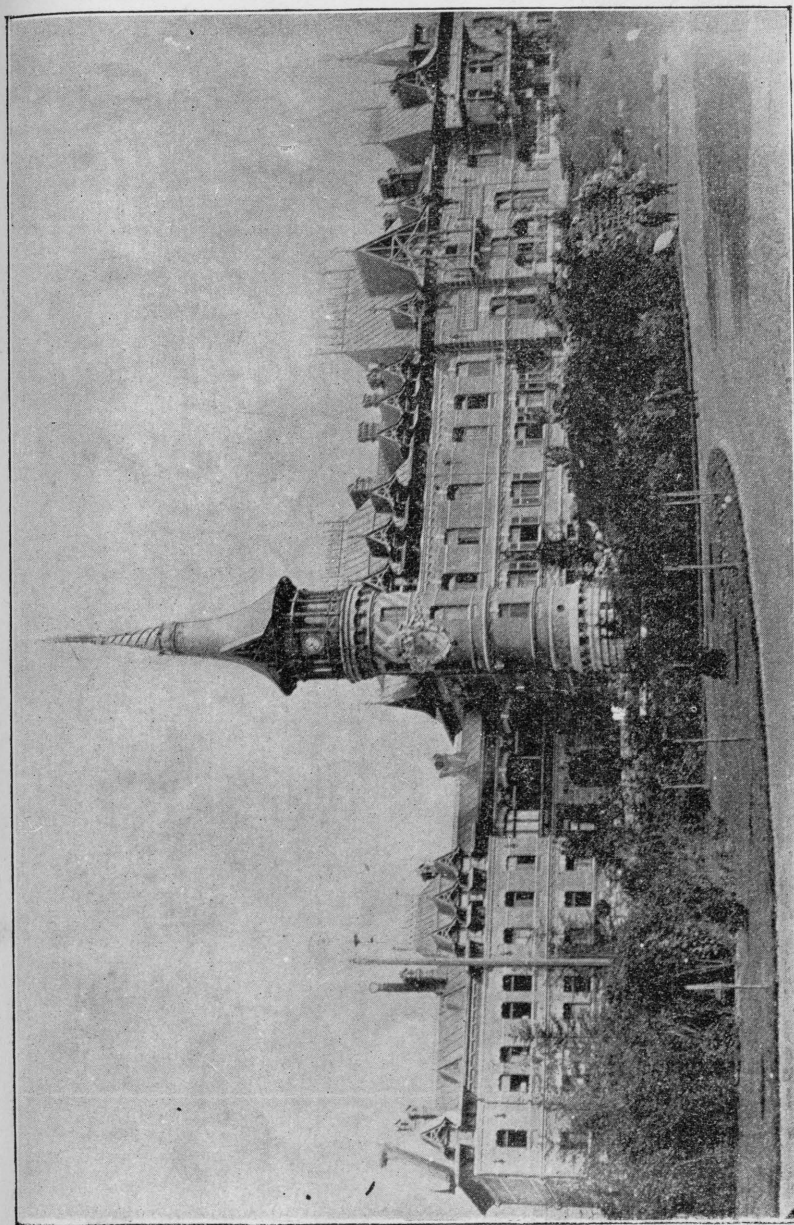
По Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся 28 Февраля 1898 г., Управленіе Бѣловѣжскаго Удѣльнаго Округа переименовано въ Управленіе Бѣловѣжской пуцы. Одновременно съ этимъ рубка сырораствующаго лѣса прекращена совершенно въ предѣлахъ собственно Пуцы и оставлена лишь въ смежной съ нею Свислочской дачѣ; въ Пуцѣ же, съ цѣлью придать ей видъ благоустроеннаго парка, производится лишь уборка мертваго лѣса и очистка отъ кустарника и мелкихъ уродливыхъ деревьевъ. Въ административномъ отношеніи пуца дѣлится на четыре имѣнія, которыми завѣдываютъ управляющіе; пятое же имѣніе, подвѣдомственное общему управленію Пуцы, составляетъ Свислочская дача.

Говоря обо всѣхъ этихъ нововведеніяхъ, нельзя не упомянуть здѣсь еще и о томъ, что въ Бѣловѣжѣ за послѣднее время устроены звѣринецъ, охотничій павильонъ и великолѣпный

царскій дворецъ, представленный нами въ двухъ видахъ, сдѣланныхъ по снимкамъ гродненскаго фотографа Карасика. Кромѣ же всего этого къ селу Бѣловѣжу, гдѣ находится управленіе пуцы, къ началу Августа 1897 проведена желѣзная дорога, соединяющая Пуцу со станціей Юго-Западной желѣзной дороги — Бѣльскомъ.

До этого времени желѣзнодорожная линія проходила лишь до станціи Гайновки, на ней движеніе было открыто въ Августѣ 1894 г. По этой желѣзно-дорожной линіи въ 1898 г. провезено, какъ Удѣльнымъ вѣдомствомъ, такъ и частными лицами принадлежавшаго удѣламъ строеваго лѣса 487 деревьевъ, общою сложностью 44, 74 куб. саж. и дровъ—7716 куб. саженой. Кромѣ того, въ періодъ 1897/98 г. было сплавлено по рѣкамъ Нарвѣ, Наревкѣ и Лѣснѣ, 24070 деревьевъ, общою сложностью 3595,15 куб. саженой.

II.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНІЯ „БѢЛОВѢЖЬ“,

топографія, этнографія, фауна и флора его.

ислѣдователи Бѣловѣжской пуцци, теряясь въ безчисленныхъ догадкахъ, объясняютъ происхожденіе названія „Бѣловѣжъ“ весьма разнообразно. Желая быть однако въ данномъ случаѣ по возможности безпристрастнымъ, я постараюсь, безъ всякихъ субъективныхъ воззрѣній, передать здѣсь двѣ противоположныя попытки разъяснить этотъ спорный вопросъ. У польскихъ лѣтописцевъ Длугоша и Бѣльскаго мы находимъ рассказъ о томъ, что въ 1426 году, во время свирѣпствовавшей въ Литвѣ и Польшѣ чумы, Владиславъ Ягелло и князь Литовскій Витовтъ со своими семьями, искали убѣжища въ нынѣшней Бѣловѣжской пуццѣ. По мнѣнію историковъ въ это именно время и образовались въ пуццѣ первыя поселенія и, какъ они полагаютъ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ лежитъ такъ называемый „Старый Бѣловѣжъ.“ Въ разстояніи двухъ верстъ отъ этой мѣстности расположено урочище „Замчиско“. Полагаютъ, что здѣсь воздвигнутъ былъ нѣкогда охотничій дворецъ, или замокъ, съ „бѣлыми вѣжами“, или башнями. Это то названіе съ теченіемъ времени перешло и ко всему окружающему эту мѣстность лѣсному пространству. Таково первое толкованіе.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію второй версіи происхожденія названія „Бѣловѣжъ“, считаю нужнымъ пояснить, что, относя образованіе первыхъ осѣдлыхъ поселеній въ пуццѣ къ XV вѣку, я разумѣю эпоху историческую, но несомнѣнно, что и до этого времени въ пуццѣ уже обитали люди. Это подтверждается

находимыми здѣсь довольно часто кремневыми орудіями, а равно могилами отдаленной эпохи. Такъ, въ одной изъ нихъ, разрытой въ урочищѣ „Замчиско“ въ 1820 году, найдено нѣсколько чело- вѣческихъ остововъ, подъ головами которыхъ находились глина- ные сосуды. Точно также несомѣнно, что ятвяги, это воинст- венное и загадочное для исторіи племя, во время кровавыхъ войнъ съ русскими и поляками находили именно здѣсь убѣжище отъ преслѣдованія и отсюда же, по Нареву, дѣлали безпрестан- ные нападенія на Мазовію. Слѣды пребыванія ятвяговъ въ этой мѣстности сохранились въ названіяхъ окрестныхъ деревень и урочищъ. Такъ, напримѣръ, деревня „Голоды“, лежащая при дорогѣ, ведущей изъ Бѣльска въ Бѣловѣжъ, по всей вѣроят- ности, получила свое названіе отъ ятвяжскаго племени „Голодовъ“, деревня же „Поканево“, надо полагать, получила названіе свое отъ упоминаемаго въ Волинской или Ипатьевской лѣтописи другого ятвяжскаго племени Покащевъ.

Второе объясненіе происхожденія названія „Бѣловѣжъ“ состоитъ въ слѣдующемъ.

Въ только что упомянутой Волинской лѣтописи говорится, что великій князь Владиміръ Васильевичъ Волинскій, опечален- ный частыми разореніями Бреста непокойными сосѣдями-литов- цами, поручилъ своему строителю Олескѣ, „мужу хитру“, кото- рый еще при отцѣ его строилъ многіе города, ѣхать на челнокѣ вверхъ по рѣкѣ Лѣснѣ и отыскать болѣе безопасное мѣсто для города. Исполняя повелѣніе своего князя, Олеско избралъ для этого мѣстность среди дремучаго лѣса, въ 35 верстахъ отъ Бреста (12 верстъ отъ границъ нынѣшней Бѣловѣжской пущи), при сліяніи рѣкъ Лѣсны и Бѣлой, берущей начало въ самой серединѣ пущи. Владиміръ, прибывъ на мѣсто со всѣмъ дво- ромъ, вниавъ одобрилъ выборъ своего зодчаго, велѣлъ вырубить растущій здѣсь лѣсъ, основалъ городъ и соорудилъ вѣжу, или сторожевую башню, въ 17 саж. высоты и 16 саж. въ окружности.

Основанный городъ, по причинѣ каменистаго грунта земли, названъ былъ Каменцомъ. Построенная здѣсь сторожевая трехъ- этажная башня съ подвалами и тайными ходами къ рѣкѣ, из- вѣстная подъ именемъ „Бѣлой каменецкой вѣжи“ и дала окру- жающей ея пущѣ названіе Бѣловѣжской. Это предположеніе под- тверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что во всѣхъ правитель-

ственныхъ актахъ великаго княжества литовскаго и королевства польскаго до XVII вѣка она называлась „Бѣловѣжскою-каменец- кою.“

* * * * *

Жители села Бѣловѣжа и двадцати четырехъ деревень, расположенныхъ въ центрѣ Бѣловѣжской пущи или же на ея окраинахъ,—все почти бѣлоруссы. Я говорю почти, такъ какъ

въ деревняхъ: Теремиска, Погорѣловцы и Буды живутъ мазуры, потомки упомянутыхъ мною въ предыдущей главѣ „будниковъ“;

въ колоніи же Шолы, лежащей вблизи деревни Масево, обитаетъ нѣсколько нѣмецкихъ семействъ. Бринкентъ, авторъ изданнаго въ 1828 году сочиненія: „Mémoire descriptive de la forêt Impériale de Białowieża,“ между прочимъ, говоритъ, что мѣстные кре-

стьяне отличаются крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, выносливостью, одѣваются во всякое время года въ короткую изъ толстаго сукна коричневаго цвѣта сермягу, стянутую широкимъ кожанымъ поясомъ, и обуваются въ лапти изъ липовой коры. „Пуца и одинаковыя условія жизни“,—говоритъ знаменитый беллетристъ

Генрихъ Сенкевичъ, посѣтившій Бѣловѣжъ въ 1882 г., „послужили причиной того, что здѣсь потомки русскихъ, литовцевъ и мазуровъ не разнятся между собою ни одеждою, ни образомъ жизни, ни типомъ лица. Всѣ они по большей части высокаго роста и очень худощавы. Нѣжность цвѣта ихъ лицъ просто поразительна; этой рѣдкой у простонародья особенностью жители пуцы обязаны лѣсной тѣни. Почти у всѣхъ у нихъ темнорусые волосы, мелкія черты лица и большіе задумчивые голубые глаза, выраженіе же ихъ красивыхъ лицъ нѣсколько угрюмо, полно какого-то меланхолическаго углубленія въ себя,—особенность, свойственная всѣмъ лѣснымъ жителямъ. Главное занятіе жителей Бѣловѣжской пуцы, нѣкогда занимавшихся преимущественно пчеловодствомъ, составляетъ сельское хозяйство. Они сѣютъ рожь, овесъ, картофель, ячмень, ленъ, чечевицу, горохъ и отчасти пшеницу. Благодаря обилію прекрасныхъ пастбищъ въ пуцѣ, крестьяне владѣютъ значительнымъ количествомъ домашняго скота; особенно хороши лошади, которыхъ они сбываютъ на ярмаркахъ въ Пружанахъ и Бѣльскѣ за голову по 200 руб., а иногда и дороже. Почти въ каждомъ крестьянскомъ домѣ находится ткацкій станокъ, на которомъ ткутъ сѣрое сукно, холстъ и „крашеницу“.

* * * * *

Бѣловѣжская пуца, какъ это уже было сказано, лежитъ въ срединѣ Гродненской губерніи (между 52° 29' и 52° 54' сѣв. широты и 21° 40' и 21° 49' восточной долготы отъ Парижа) и занимаетъ южную часть Волковыскаго уѣзда и западную Пружанскаго. Сѣверная часть ея покрыта обширными болотами, служащими источникомъ многихъ весьма важныхъ для всего сѣверо-западнаго края рѣкъ, какъ Гвоздня, Лѣсна, Наревъ, Наревка и Яселда. Изъ нихъ болѣе многоводная—Наревъ, берущій начало у восточныхъ границъ пуцы, въ такъ называемомъ „Орлиномъ болотѣ“; онъ окружаетъ пуцу съ сѣвера. Съ лѣвой стороны Наревъ принимаетъ въ себя Наревку, вытекающую изъ обширнѣйшаго болота Никоръ и прорѣзывающую Бѣловѣжъ по напра-

влению съ сѣвера на западъ. Въ юго-западной же части Бѣловѣжа, въ окрестностяхъ д. Гайновки, беретъ начало рѣчка Лѣсна, притокъ Буга.

По картѣ генеральнаго штаба Бѣловѣжская пуца лежитъ, среднимъ числомъ, на 172, 39 метр. надъ уровнемъ моря. Благодаря этому, а равно громадному пространству, покрытому лѣсомъ, въ тѣни котораго снѣга не таютъ такъ скоро, какъ на открытыхъ поляхъ,—климатъ Бѣловѣжа суровѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ края. Зима здѣсь длится обыкновенно дольше, и санный путь часто стоитъ еще недѣли двѣ и три, когда уже въ сосѣднихъ мѣстахъ снѣга не осталось и слѣда. Поэтому, между прочимъ, и деревья развиваются здѣсь позже, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ той-же широты, а уборка хлѣбовъ начинается всегда спусти, по крайней мѣрѣ, цѣлую недѣлю послѣ начала жатвы въ окрестныхъ деревняхъ. Почва Бѣловѣжской пуцы весьма разнообразна: мѣстами болотистая и торфяная, но, въ большинствѣ случаевъ, на супесчаной или суглинистой подпочвѣ лежитъ толстый верхній слой мягкаго плодороднаго чернозема или же большее или меньшее количество древеснаго перегноя.

Подобныя условія климата и почвы и стали причиной той удивительно богатой и разнообразной растительности, того необыкновеннаго роста, качествъ и толщины деревьевъ, того, наконецъ, богатства пастбищъ, благодаря коимъ въ Бѣловѣжской пуцѣ живетъ столько разныхъ представителей травоядныхъ породъ. Идеально прямые и гладкія, почти лишенные сучьевъ сосны, громадныя дубы и ясени, славяемые по Нареву и Вислѣ въ Данцигѣ, считаются въ Англіи лучшимъ лѣснымъ матеріаломъ во всей Европѣ. Дубы въ Бѣловѣжской пуцѣ достигаютъ нерѣдко шести-метровой толщины, а ростомъ могутъ сравняться иногда съ самой высокой сосной. „Сосна, дубъ, ясень, осина, ель, говоритъ Сенкевичъ, растутъ другъ около друга въ непосредственномъ сосѣдствѣ. Гляди въ даль, видимъ всѣ оттѣнки зелени, начиная съ темной до свѣтло-желтой. Другую особенность пуцы составляетъ высота деревъ. Стремясь къ свѣту, который доступенъ лишь верхушкамъ, каждое дерево не развѣтвляется широко, но стрѣляетъ кверху высокимъ, лишеннымъ вѣтвей, стволомъ, который только у опушки покрывается зеленою короною. Молодой лѣсъ всей силой роста старается какъ бы вырвать-

ся на свѣтъ Божій; можно сказать, что дерево здѣсь думаетъ о толщинѣ только тогда, когда уже справилось съ высотой“.

Еслибы количество главныхъ породъ деревъ, растущихъ въ Бѣловѣжской пуцѣ, представить въ процентахъ, то приблизительно расчетъ былъ бы такой: сосна дала бы 40%, ель 20%, дубъ 3%, а остальные 37% составили бы ясень, кленъ, осина, липа, береза, черная и бѣлая ольха, ильмъ, берестъ, рябина, вязъ, грабъ и дикія яблони и груши.

Какъ велико разнообразіе растительности въ Бѣловѣжской пуцѣ, доказываютъ, между прочимъ, изслѣдованія ученыхъ естествоиспытателей: Блонскаго, Дриммера и Эйсмонта, которые во время двухъ ботаническихъ экскурсій въ Бѣловѣжѣ (въ 1887 и 1888 г.) сумѣли собрать и отмѣтить 1337 экземпляровъ отдѣльныхъ растений, а именно: 308 видовъ грибовъ, 121 мховъ, 10 папоротниковъ, 157 односѣмянныхъ растений, 559 двусѣмянныхъ растений и т. д. Изъ свойственныхъ однако почти одной только Бѣловѣжской пуцѣ деревьевъ, нельзя не упомянуть здѣсь: 1) о тисѣ обыкновенномъ: (*Taxus baccata*), растущемъ въ урочищѣ Незнаново, Лѣснинской стражи, въ 11 верстахъ отъ села Бѣловѣжа, чрезвычайно рѣдкомъ растеніи и здѣсь уже являющемся рѣдкостью (оно считается у крестьянъ вѣрнымъ средствомъ противъ водобоязни, что и служитъ причиной его истребленія) и 2); настоящей бѣлой ели, (*Abies alba* Müller) весьма рѣдкомъ деревѣ, извѣстномъ здѣсь подъ названіемъ „бѣлый тисъ“; оно находится въ пуцѣ въ количествѣ лишь нѣсколькихъ сотъ штукъ, среди болота Никорь, въ почти недоступной для человѣка мѣстности, называемой „Тисовкой“.

Почти такое же разнообразіе, какъ въ царствѣ флоры, мы находимъ въ Бѣловѣжской пуцѣ и въ царствѣ животныхъ. Птицы, разумѣется, имѣютъ здѣсь всего больше представителей. Изъ большаго множества ихъ назовемъ: тетеревовъ, глухарей, рябчиковъ, бекасовъ; изъ гнѣздящихся на высокихъ деревьяхъ, вблизи рѣкъ, довольно часты: цапля, журавль и черный аистъ, называемый у простонародья „шосто-сясто“. Изъ хищныхъ птицъ, за истребленіе которыхъ назначено немалое вознагражденіе, водятся здѣсь, между прочимъ: совы, филины и орлы, и между послѣдними, какъ своего рода рѣдкость,—великолѣпный и величественный Императорскій орелъ—*Aquila imperialis*.

Изъ животныхъ, находившихся въ пущѣ въ былое время, нельзя не упомянуть здѣсь бобра, встрѣчавшагося по рѣкѣ Лѣснаѣ еще въ 1836 и 1837 годахъ, но, благодаря хищнической охотѣ, исчезнувшато нынѣ окончательно. Медвѣди, какъ хищные звѣри, уничтожены здѣсь почти совсѣмъ, такъ что появляются они въ пущѣ лишь какъ гости, во время странствованія изъ сосѣднихъ помѣщичьихъ лѣсовъ. Волки, преслѣдуемые лѣсною стражей, также переводятся, за то чаще встрѣчается рысь, нападающая нерѣдко даже на лосей, которые годъ отъ году уменьшаются въ числѣ. Дикая свинья въ настоящее время стала попадаться рѣже; красный же олень, лань и дикая кошка давно уже исчезли. Кромѣ того, здѣсь водятся во множествѣ: зайцы—бѣлякъ и русакъ, лисица, горностаи, куница, хорьки и дикія козы.

Но главнымъ украшеніемъ Бѣловѣжской пущи и виновникомъ ея всемірной извѣстности является могучій зубръ, только здѣсь и сохранившійся. Ему мы посвятимъ слѣдующія главы нашего очерка.

III.

ПРЕЖНЕЕ И НЫНѢШНЕЕ МѢСТОПРЕБЫВАНІЕ ЗУБРОВЪ.

Зубръ или туръ (доказать тождество двухъ этихъ названій и попытаюсь въ одной изъ слѣдующихъ главъ настоящаго очерка) былъ извѣстенъ и описанъ еще болѣе чѣмъ за 300 лѣтъ до Р. Хр. Аристотелемъ, подъ именемъ *Bonaros* или *Monaros*. Встрѣчаемое только съ XII столѣтія названіе „зубръ“, какъ кажется, перешло къ намъ изъ Греціи, гдѣ именно во Фракіи, въ концѣ IX вѣка, какъ мы это видимъ у Византійскаго писателя Ханіанта, дикій быкъ назывался *Zombros*. Названіе это перешло сначала въ Молдавію, тамъ оно измѣнилось въ *Zimber* или *Dzimber*, изъ котораго уже впослѣдствіи образовалось, вѣроятно, русское „зубръ“. До того же времени зубръ носилъ названіе тура или *Auerochs'a* (дикаго быка) и, какъ одно изъ величайшихъ и замѣчательнѣйшихъ четвероногихъ животныхъ въ Европѣ, издавна упоминается въ пѣсняхъ, преданіяхъ и народныхъ сказаніяхъ, между прочимъ, и въ Нибелунгахъ, скандинавскихъ сагахъ и т. п., гдѣ онъ неоднократно выступалъ или какъ дѣйствующее лицо, или какъ олицетвореніе силы, отваги и храбрости.

Во времена Аристотеля зубръ встрѣчался почти по всей Европѣ. Въ первыхъ же вѣкахъ христіанства онъ является уже какъ рѣдкость въ Римѣ, гдѣ на публичной аренѣ падаетъ жертвой зрѣлицъ. По мѣрѣ заселенія юга, зубръ переходитъ все дальше и дальше на сѣверъ. Во времена Карла Великаго онъ является уже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ настоящее время находится Франція, Скандинавія, Пруссія, Галиція, Венгрія и Румынія.

Въ Литвѣ, въ XII—XV вѣкахъ, зубры встрѣчались почти повсемѣстно. Извѣстный геологъ сэръ Родерикъ Мурчисонъ объясняетъ это явленіе слѣдующей гипотезой. По его мнѣнію, зубры сохранились на пощаженной отъ всемірнаго потопа возвышенной мѣстности, расположенной между Бугомъ и Днѣпромъ, начиная отъ Пинскихъ болотъ до Азовскаго моря. Оттуда уже зубры разбрелись, между прочимъ, и по окаймленнымъ широкими болотистыми долинами рѣкъ Бобра, Буга, Нарева, Нурца и Нѣмана, литовскимъ дремучимъ дѣвственнымъ дебрямъ, достойнымъ представителемъ величія и красоты конхъ и является Бѣловѣжская пуца.

Чтобы дать читателямъ хотя приблизительное понятіе о томъ, въ какомъ громадномъ количествѣ нѣкогда водились зубры въ Литвѣ, я упомяну здѣсь хотя-бы только о томъ, что Владиславъ Ягелло, въ 1409 году, посылалъ на плотинахъ по Вислѣ въ Плоцкѣ, гдѣ находилась армія, которой предстояло вести войну съ крестоносцами, по двѣсти бочекъ соленаго мяса зубровъ и лосей. Въ 1429 же году князь литовскій Витольдъ, во время сѣзда коронованныхъ особъ въ Луцкѣ, на Волыни, велѣлъ убивать ежедневно, кромѣ множества другихъ животныхъ, по сотнѣ зубровъ.

Въ Германіи зубры исчезли ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Въ первой половинѣ XVI столѣтія Гесснеръ нашелъ черепы зубровъ, повѣшенные на стѣнахъ въ ратушахъ Майнца и Вормса; они служили украшеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствовали, что и берега Рейна нѣкогда имѣли это великолѣпное животное. По Ржончинскому (*Hist. Regni Pol.*), въ началѣ XVIII вѣка въ Пруссіи насчитывалось до 70 зубровъ. Во время же знаменитой охоты, устроенной Фридрихомъ I въ честь Императора Пѣтра I, палъ послѣдній изъ представителей рода зубровъ на прусской землѣ. Въ томъ же вѣкѣ зубры еще встрѣчались въ Молдавіи, въ гербѣ которой, какъ извѣстно, помѣщается голова этого животнаго. Въ 1770 году былъ убитъ зубръ на Кавказѣ. Но это не былъ единственный случай: въ 1830 г. въ Академію Наукъ въ Петербургѣ была вновь прислана шкура зубра съ Кавказа. Полковникъ Таубе, жившій въ 1836 г. на Кавказѣ, описалъ охоту на этихъ звѣрей, которые и нынѣ, а по крайней мѣрѣ, еще недавно появлялись отъ времени до времени

у Эльборуса и Большаго Зеленчука, а главнымъ образомъ у впаденія рѣки Урупъ въ Кубу. Академикъ Шмидтъ и Поповъ свидѣтельствуютъ, что по указаніямъ монгольскихъ и тибетскихъ ученыхъ зубры цѣлыми стадами населяютъ мѣстность между Тибетомъ и одной изъ провинцій обширнаго Китая — Санси; китайцы будто-бы называютъ зубра „*Sy*“, а монголы „*Buchakugaresu*“; и тѣ и другіе свободно будто бы отличаютъ его отъ буйвола и другихъ видовъ быка.

Не только Европа и Азія служили мѣстопребываніемъ зубровъ, но ихъ не разъ встрѣчали и въ Африкѣ. Это подтверждаетъ, Кольбъ въ своемъ сочиненіи „*Description du cap de Bonne Esperance*“ и священникъ Лебонъ въ „*Voyage en Abissinie*“. Согласно этимъ путешественникамъ, готтентоты называютъ зубра „*Bolackley*“; во время войны пользуются имъ, какъ верблюдомъ, а во время мира онъ служитъ имъ защитникомъ пасущихся стадъ отъ дикихъ звѣрей. Какимъ образомъ это происходитъ, мы не знаемъ.

Что касается Россіи, то въ ней до 1700 г., какъ мы видимъ изъ письма Форстера къ Бюффону, число зубровъ было довольно значительно, а у Далматова находимъ упоминаніе о томъ, что въ 1840 году въ Лысковской казенной фермѣ, Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, убитъ былъ зубръ, а вскорѣ затѣмъ въ продолженіе 8 лѣтъ, пало подъ выстрѣлами охотниковъ еще 6 штукъ. Появленіе зубровъ въ Нижегородской губерніи Далматовъ объясняетъ такимъ образомъ: „лѣса Семеновскаго уѣзда,—говоритъ онъ,—примыкаютъ къ 100 милліонамъ десятинъ лѣсовъ губерній Костромской, Вятской, Вологодской, Архангельской, Олонецкой и Пермской. А такъ какъ лѣса послѣдней изъ названныхъ губерній соединяются съ громадными пущами Сибири, восточная часть которыхъ, у подножія Саянскихъ горъ, соединяется съ лѣсами Китая, то весьма возможно, что зубры изъ китайскихъ лѣсовъ перешли въ сибирскіе, а уже оттуда—въ Нижегородскую губернію“. Во всякомъ случаѣ, если они тамъ находятся и нынѣ, то, вѣроятно, какъ отдѣльные странствующіе экземпляры. Нигдѣ-же нѣтъ ихъ въ такомъ количествѣ, какъ въ нашей Бѣловѣжской пуцѣ.

И здѣсь однако, не смотря на покровительство науки и закона, зубръ, къ сожалѣнію, мало-по-малу переводится. Что

это такъ,—объ этомъ свидѣтельствуесть нижеприведенный рядъ статистическихъ данныхъ, которыя намъ удалось собрать изъ частныхъ и официальныхъ источниковъ за довольно долгій періодъ времени. Вотъ онѣ: въ 1815 году въ Бѣловѣжской пушчѣ насчитывалось лишь 300 штукъ зубровъ (старыхъ и молодыхъ), въ 1820 году—500 штукъ, въ 1830—700 штукъ, а дальше— по слѣдующей таблицѣ:

Въ 1832 году всѣхъ зубровъ было 712 штукъ.

1835	"	"	"	"	782	"
1840	"	"	"	"	945	"
1845	"	"	"	"	1018	"
1850	"	"	"	"	1550	"
1855	"	"	"	"	1824	"
1857	"	"	"	"	1898	"
1860	"	"	"	"	1575	"
1865	"	"	"	"	639	"
1870	"	"	"	"	498	"
1873	"	"	"	"	527	"
1875	"	"	"	"	558	"
1876	"	"	"	"	561	"
1877	"	"	"	"	565	"
1878	"	"	"	"	571	"
1879	"	"	"	"	570	"
1880	"	"	"	"	579	"
1881	"	"	"	"	574	"
1882	"	"	"	"	600	"
1883	"	"	"	"	592	"
1884	"	"	"	"	384	"
1885	"	"	"	"	433	"
1886	"	"	"	"	427	"
1887	"	"	"	"	438	"
1888	"	"	"	"	440	"
1889	"	"	"	"	380	"
1890	"	"	"	"	403	"
1891	"	"	"	"	479	"
1892	"	"	"	"	491	"

О томъ, что число зубровъ, не смотря на удвоенный за послѣднее время и весьма добросовѣстный уходъ за ними, очень не-

значительно поднялось выше цифры 1890 года, свидѣтельствуесть лучше всего сопоставленіе сей послѣдней съ количествомъ зубровъ, которые насчитывались въ Бѣловѣжской пушчѣ и Свислочской дачѣ въ 1892 году (403 шт. и 491). Сопоставляя же это послѣднее число съ тѣмъ количествомъ зубровъ, которымъ по вышеприведенной таблицѣ отмѣченъ 1857 годъ (1898 штукъ) и которое за весь шестидесятилѣтній періодъ счисленія оказывается максимальнымъ,—мы придемъ къ убѣжденію, что число зубровъ за послѣдніе тридцать лѣтъ уменьшилось почти въ четыре раза и что цифру 500 нужно считать приблизительно вѣрнымъ среднимъ числомъ всѣхъ зубровъ въ Бѣловѣжѣ. Доказываетъ это, между прочимъ, и число зубровъ, находящихся здѣсь въ 1898 году, въ которомъ, какъ въ Пушчѣ, такъ и въ Свислочской дачѣ вмѣстѣ насчитывалось: старыхъ—395 и молодыхъ—270 головъ.

Чѣмъ объясняется фактъ, что, несмотря на ежегодный почти 100/о-ный приплодъ, несмотря на всѣ старанія и усилія лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ попеченіе о зубрахъ, число ихъ нисколько, къ сожалѣнію, не увеличивается,—мы постараемся изложить, когда намъ придется говорить о естественной исторіи зубра, его жизни и обычаяхъ.

IV.

О тождествѣ названій зубра и тура.

БЫЛО время, когда европейскіе зоологи и палеонтологи вели горячій споръ о томъ, обозначаетъ ли названіе „зубръ“ и „туръ“ двѣ различныхъ или же одну только породу животныхъ. Первое мнѣніе, основанное отчасти на сообщеніяхъ древнихъ писателей (Аристотель, Юлій Цезарь, Плиній и Сенека), а главнымъ образомъ на сочиненіи Герберштейна (*Reum Moscoviticarum commentarii*), защищали даже такія свѣтила науки, какъ Бюффонъ, Линней и Кювье, утверждавшій въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: „*Recherches sur les ossements*“, что изъ двухъ видовъ дикаго быка въ Европѣ одинъ — туръ („*Urus*“ Цезаря) уже ранѣе пересталъ существовать, а другой — зубръ живетъ еще до сихъ поръ. На самомъ дѣлѣ однако это далеко не такъ. Сообщенія древнихъ писателей по этому вопросу недостаточно точны и даже противорѣчивы. Всѣ они, за исключеніемъ развѣ одного Аристотеля, какъ кажется, писали о зубрѣ лишь по слухамъ; никто изъ нихъ лично не наблюдалъ этого животного, а при передачѣ извѣстій о немъ, по всей вѣроятности, заимствовали свѣдѣнія другъ у друга.

Менѣе другихъ въ данномъ случаѣ можно опираться на Плинія, такъ какъ этотъ ученый римлянинъ подъ именемъ „*bonasos*“ и „*bison*“ описываетъ два отдѣльные вида дикихъ быковъ (*bubali*), въ то время какъ порода буйволовъ (*bubali*) Европѣ не принадлежала никогда и появилась изъ Азіи только въ VI вѣкѣ

послѣ Р. Х., то есть почти черезъ пятьсотъ лѣтъ послѣ смерти самаго Плинія, а слѣдовательно и описаніе его никакъ не можетъ относиться къ туру или зубру. Что же касается Аристотеля, то его названіе „bomasos“ относится собственно къ бизону (*bos americanus*). Да и на зоологическія описанія Юлія Цезаря (*De bello gallico*) полагаться не всегда можно, хотя бы потому, что онъ, напримѣръ, приписывалъ, между прочимъ, лосямъ ноги безъ суставовъ, отчего будто бы эти животныя никогда не ложатся, а управши, не въ состояніи встать.

Мнѣнію Герберштейна, какъ не-зоолога, точно также нѣтъ основанія придавать большаго значенія. Его утвержденіе о существованіи двухъ разныхъ видовъ животныхъ—тура и зубра—мы можемъ приписать тому обстоятельству, что во время своего путешествія въ 1525 году по Бѣловѣжской пуцѣ онъ былъ введенъ въ заблужденіе кѣмъ-либо несвѣдующимъ, или, какъ предполагаетъ Боянусъ, подъ именемъ туровъ понималъ и описалъ видъ обыкновенныхъ дикихъ быковъ, стада которыхъ еще долгое время послѣ прирученія воловъ въ большомъ числѣ наполняли лѣса средней Европы.

Во всякомъ случаѣ, предположеніе древнихъ и идущихъ влѣдъ за ними нѣкоторыхъ новѣйшихъ естествоиспытателей, что зубръ и туръ—два разныхъ вида животныхъ, еще въ прошломъ столѣтіи было отвергнуто, какъ не подтверждаемое никакими положительными доказательствами.

На опроверженіе этого мнѣнія, кромѣ многихъ другихъ ученыхъ, главнымъ образомъ повліяли: Юлій Пушъ, усердный труженикъ въ области геологіи и палеонтологіи, извѣстный врачъ и естествоиспытатель; далѣе, Іонсонъ, утверждающій въ своемъ сочиненіи „*Historia naturalis animalium*“, что „животное, называемое въ Мазовіи и Жмудѣ туромъ, въ Литвѣ носило названіе зубра“; затѣмъ, Матвѣй изъ Мѣхова, рѣдкій знатокъ русско-литовскаго и латышскаго нарѣчія, говорить, что дикіе волаы на Руси называются турамы, а въ Литвѣ—зубрами; наконецъ, знаменитый польскій историкъ Длугосъ, описывая охоту короля Болеслава Кривоустаго на зубровъ въ 1107 году, рассказываетъ, какъ раненный зубръ вымещалъ ярость свою на одномъ юношѣ Сетехѣ, и въ разсказѣ своемъ три раза называетъ животное попеременно: зубромъ, туромъ и однимъ.

Все вышесказанное достаточно подтверждаетъ мнѣніе, что названія „зубръ“ и „туръ“ относились къ одному и тому же животному. Доказательство этого мы можемъ еще найти не только въ произведеніяхъ современныхъ ученыхъ естествоиспытателей, но и въ народныхъ преданіяхъ, пѣсняхъ, названіяхъ мѣстностей, рѣкъ, и т. д.

Въ Гродненской губерніи, гдѣ рѣка Нѣманъ, Бугъ и Росъ составляли нѣкогда границу Литвы и Руси, на одномъ берегу этихъ рѣкъ мы встрѣчаемъ названія: Зубры, Зубровъ уголь, Зубровка, Зубрица, а на другомъ: Турно, Турлея, Туровецъ, Туроснь, Туровъ лугъ и т. д. Любимая же зубрами трава (*Hieroglossa borealis*) на одной сторонѣ вышеупомянутыхъ рѣкъ носитъ названіе „зубрицы“, „зубровки“, а на другой называется: „турицей“, „туровкой“ и „турьей травой“.

При свадебныхъ обрядахъ въ Кобринскомъ и Пружанскомъ уѣздахъ, въ мѣстахъ исконнаго пребыванія зубровъ, когда молодые садятся за столъ, поютъ:

Отчинните оконце,

Нехай вскочитъ солнце!

Нехай мы обачимо, по що мы пріѣхали;

Чи *туръ*, чи *турица*,

Чи красна молодица . . . и проч.

Все это приводитъ насъ къ заключенію, что зубры, населявшіе нѣкогда всю Литву и Польшу; а прежде почти и всю Европу, хотя и были извѣстны тамъ и сямъ подъ разными именами, тѣмъ не менѣе составляли одинъ и тотъ же видъ настоящего Бѣловѣжскаго зубра. Надо полагать, что по мѣрѣ истребленія лѣсовъ въ Польшѣ и Литвѣ польскіе туры, или литовскіе зубры, искали убѣжища въ болѣе недоступныхъ мѣстахъ, въ лѣсныхъ дебряхъ, петронутыхъ еще рукою человѣка, и въ поискахъ своихъ, конечно, не могли найти лучшаго пристанища, чѣмъ Бѣловѣжская пуца.

V.

ОХОТА НА ЗУБРОВЪ.

Вь былыя времена, до изобрѣтенія пороха и огнестрѣльнаго оружія, считалось геройскимъ подвигомъ убить зубра, который, какъ упоминалось, далеко не составлялъ нѣкогда такой рѣдкости, какъ нынѣ. И дѣйствительно, чтобы убить зубра при помощи копья или меча требовалась необыкновенная храбрость, значительная сила и ловкость. Всякій поэтому, кому удавалось въ неравной борьбѣ осилить это громадное, сильное, а въ раздраженіи и гнѣвѣ и свирѣпое животное, дѣлался героемъ народной поэзіи, долгое время являлся предметомъ необыкновеннаго почета, а иногда даже, лишь благодаря этому обстоятельству, избирался въ военачальники цѣлаго племени. Поэтому-то никогда и не пытались такъ или иначе уменьшать оласность, сопряженную съ охотой на зубра, а наоборотъ, обыкновенно старались нарочно увеличить ее. Такъ, напримѣръ, во времена короля Остготовъ Теодорика Великаго строго были воспрещены всякія охотничьи уловки, въ родѣ крика въ лѣсахъ, употребленія роговъ и т. п., потому что испуганное этимъ животное могло временно потерять свойственную ему энергію и смѣлость, а охотникъ, пользуясь этимъ, могъ воодушевиться для боя, набраться храбрости и увѣренности въ успѣхѣ.

Охота на зубровъ производилась нѣкогда слѣдующимъ образомъ. Мѣсто, въ которомъ было замѣчено стадо зубровъ, сначала загораживалось со всѣхъ сторонъ стволами огромныхъ

упавшихъ деревьевъ, о размѣрахъ которыхъ можетъ теперь имѣть понятіе лишь тотъ, кому хоть разъ въ жизни случилось заглянуть въ глубину Бѣловѣжской пущи. Затѣмъ, въ средину устроенной такимъ образомъ засады, выпускали цѣлую стаю собакъ, специально для этого воспитанныхъ и дрессированныхъ. Спугнутые зубры разбѣгались во все стороны и всюду наталкивались на скрытыхъ за деревьями ловцовъ. Больше смѣлые изъ нихъ и стоящіе ближе къ зубру бросались на него съ копьемъ въ рукѣ; велѣдъ за ними и другіе, криками и соответственными движеніями, старались обратить на себя вниманіе раненаго животнаго и наносили ему новые удары. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока истекающій кровью и обезсиленный зубръ не падалъ, испуская духъ. Когда-же разъяренный зубръ старался напасть на одного изъ участниковъ охоты, чтобы рогами повергнуть его на землю и растоптать съ презрѣніемъ ногами, какъ бы метя за неуваженіе къ своему могуществу; когда онъ кидался на скрывшагося за деревомъ охотника и ударялъ въ стволъ своимъ крѣпкимъ, кудрявымъ лбомъ съ необыкновенной силой и упорствомъ; когда при помощи громаднаго широкаго языка своего онъ пытался зацѣпить ловца за платье, привлечь къ себѣ и излить на немъ весь запасъ клочочащаго въ немъ бѣшенства и злобы,—тогда, застигнутый ловецъ, не потерявшій присутствія духа, бросалъ въ глаза зубру красный платокъ или шапку, и спасался бѣгствомъ, пока животное, видя себя отъ бѣшенства и боли, яростно кидалось на ненавистный для глазъ его предметъ.

Хотя охота на зубровъ была сопряжена съ немалою опасностью, однако, вслѣдствіе лестной извѣстности и немалой матеріальной выгоды, которая она доставляла охотнику, она велась почти постоянно и, вмѣстѣ со многими иными причинами, повліяла несомнѣнно на истребленіе этихъ величественныхъ животныхъ. Охота на зубра была прибыльной и выгодной въ различныхъ отношеніяхъ. Убивали зубровъ ради мяса, которое (въ особенности мясо самокъ и телятъ) весьма здорово и питательно, а вымоченное въ уксусѣ или красномъ винѣ, оно мягче и нѣжнѣе даже мяса дикой козы или лоса. И шкура зубра тоже имѣла всегда большую цѣнность. Она въ два раза толще шкуры обыкновеннаго быка и, послѣ предварительнаго насыщенія рыбьимъ или другимъ какимъ-либо жиромъ, употреблялась литовцами

для постройки прочныхъ и непромокаемыхъ лодокъ. Шкура же, снятая съ головы зубра,—отличающейся, какъ извѣстно, особымъ, напоминающимъ мускусъ запахомъ,—была нѣкогда употребляема для поясовъ, которые у замужнихъ женщинъ играли роль чудеснаго, облегчающаго роды талисмана. Вѣра въ подобное свойство этихъ поясовъ придавала имъ такую стоимость, что какъ драгоценность, они были приносимы въ даръ супругамъ коронованныхъ особъ. Такъ, между прочимъ, баронъ Герберштейнъ, нѣмецкій посолъ при польскомъ дворѣ, получилъ отъ королевы Боны два такихъ пояса и одинъ изъ нихъ, по пріѣздѣ въ Вѣну, принесть въ даръ своей государынѣ. Далѣе, рогъ зубра, какъ у Славянъ, такъ и у Германцевъ, имѣлъ то же значеніе, что и вражескій черепъ у Скандинавовъ. Это былъ одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ побѣдныхъ трофеевъ, онъ сохранялся, какъ видимое доказательство геройства предковъ, и переходилъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Цѣнность его въ глазахъ народа увеличивалась еще и вслѣдствіе того, что, согласно повѣрію, даже самый сильный ядъ, налитый въ рогъ зубра, терялъ свою ядовитость. Лучшимъ доказательствомъ того какъ на Литвѣ цѣнили рогъ зубра, служитъ фактъ, что отдѣланные золотомъ и драгоценными камнями рога зубра, убитаго Гедиминомъ, хранились въ сокровищницѣ великихъ князей Литовскихъ; затѣмъ, одинъ изъ нихъ, на луцкомъ сеймѣ въ 1429 году, былъ лично подаренъ княземъ Витольдомъ Императору Сигизмунду. Турій рогъ „въ полтретья ведра“ былъ, какъ извѣстно; заздравнымъ кубкомъ князя Владиміра. Славянской идолъ Святovidъ изображался обыкновенно держащимъ въ правой рукѣ турій рогъ, оправленный въ драгоценный металлъ и осыпанный дорогими камнями. При проѣздѣ чрезъ городъ Псковъ царевны Софьи, нареченной невѣсты Іоанна III Васильевича, Псковитяне вышли бить ей челомъ наполненными медомъ и виномъ кубками и золочеными турьими рогами.

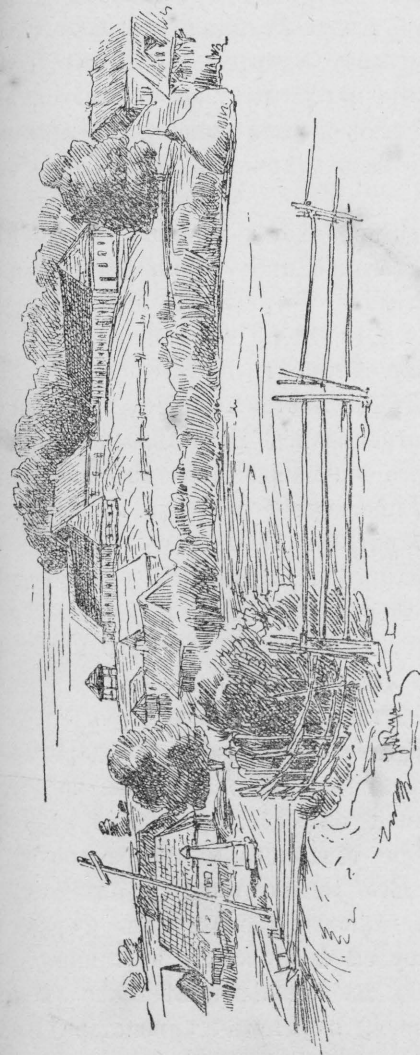
Такимъ образомъ, какъ видимъ, не было недостатка въ причинахъ для истребленія зубровъ. Но приказъ короля Сигизмунда Августа, установившій за самовольное убіеніе зубра смертную казнь, замѣненную впослѣдствіи денежной пеней, положилъ предѣлъ этому истребленію. Съ тѣхъ поръ охота въ Бѣловѣжской, а также и Яхтуровской пущѣ, въ Польшѣ, въ которой до 1627 г. имѣлось нѣкоторое количество зубровъ, называвшихся здѣсь

турами,—не могла проходить иначе, какъ по особому разрѣшенію короля. Разрѣшеніе это удавалось получать лишь привилегированнымъ лицамъ. Но сами царственныя особы часто устраивали поѣздки въ Бѣловѣжскую пуцу и съ удовольствіемъ и увлеченіемъ предавались охотѣ на зубровъ. Въ пуцѣ охотились: великій князь литовскій Витольдъ; король Владиславъ Ягелло, упавшій здѣсь въ 1426 году (по преданью, въ мѣстности, называющейся „Оленью горою“) съ лошади и сломавшій ногу; оба Сигизмунда, Стефанъ Баторій, особенно часто совершавшій поѣздки изъ Гродны въ пуцу; Янъ Казимиръ, Августъ II, раненый медвѣдемъ во время охоты 15 декабря 1705 г.; затѣмъ, Августъ III и, наконецъ, король Станиславъ Понятовскій.

Знаменитая охота предпоследняго польскаго короля, 9 октября 1752 года, въ обществѣ его сыновей Карла и Ксаверія, а

также нѣсколькихъ заграничныхъ пословъ и нѣкоторыхъ литовскихъ и польскихъ вельможъ, во время которой пало 42 зубра и въ томъ числѣ 20 отъ руки короля Августа, была увѣковѣчена

постановкой на берегу Наревки, у деревни Новый Бѣловѣжъ,—видъ котораго съ 1752 года взятъ мною изъ сочиненія Бринкена,—небольшого каменнаго памятника, имѣющаго форму обелиска. Памятникъ этотъ снабженъ соотвѣтственною надписью съ поименованіемъ фамилій всѣхъ участвовавшихъ. Одна изъ многихъ охотъ короля Станислава Понятовскаго на зубровъ была омрачена, по Бринкену, тѣмъ обстоятельствомъ, что одинъ несчастный изъ числа двухъ тысячъ крестьянъ, согнанныхъ для облавы въ пуцу, былъ растерзанъ медвѣдемъ, почти у ногъ короля и его свиты, а именно у самой трехэтажной бесѣдки, построенной по приказанію короля.

За послѣднія четырнадцать лѣтъ только четыре раза происходили въ Бѣловѣжѣ болѣе или менѣе значительныя охоты на зубровъ. Въ 1884 г., съ 29 февраля по 2 Марта, устроена была охота для князей Лихтенштейнскихъ и Альтенбургскаго, во время которой пали три старыхъ зубра и два огромныхъ оленя.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1894 года въ Бѣловѣжской пушчѣ имѣла мѣсто рѣдкая *hunting-party*, въ коей принимали участіе начальникъ главнаго управленія удѣловъ князь Вяземскій, помощникъ его г. Бергъ, князь Д. В. Голицынъ, генераль-графъ Толстой и еще нѣсколько приглашенныхъ лицъ. Князю Голицыну и графу Толстому удалось убить по одному зубру; одинъ изъ убитыхъ, старый зубръ, былъ до того воинственнаго характера, что позволялъ себѣ нападать на лѣсниковъ, убивать своихъ товарищей, — однимъ словомъ, долгое время держалъ весь звѣринецъ какъ будто бы въ осажденномъ положеніи.

О результатахъ предпоследней охоты, имѣвшей мѣсто въ августѣ мѣсяцѣ 1894 г. и удостоенной присутствія Императора Александра III, а равно последней Высочайшей охоты, продолжавшейся съ 28 Августа по 7 Сентября минувшаго 1897 г., — мы скажемъ въ концѣ настоящей главы. Пока однако, чтобы дать читателямъ понятіе, какъ такіа охоты происходятъ въ настоящее время и какъ онѣ устраивались нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, я перейду къ описанію одной изъ знаменитѣйшихъ охотъ на зубровъ въ прошедшей четверти настоящаго столѣтія, происходившей 6 и 7 октября 1860 года.

Осенью 1860 года Императору Александру II благоугодно было повелѣть министерству государственныхъ имуществъ устроить въ пушчѣ охоту на зубровъ, которой до того времени не было уже тамъ лѣтъ семьдесятъ слишкомъ.

Непосредственное руководство надъ устройствомъ охоты поручено было управляющему гродненскою палатою государственныхъ имуществъ д. с. с. Кожевникову, ближайшій же надзоръ за всѣми распоряженіями приняли на себя: прибывшій въ Бѣловѣжъ уже въ концѣ сентября товарищъ министра государственныхъ имуществъ, свиты Его Величества генераль-маіоръ Зеленой и егермейстеръ Высочайшаго Двора графъ Ферзенъ.

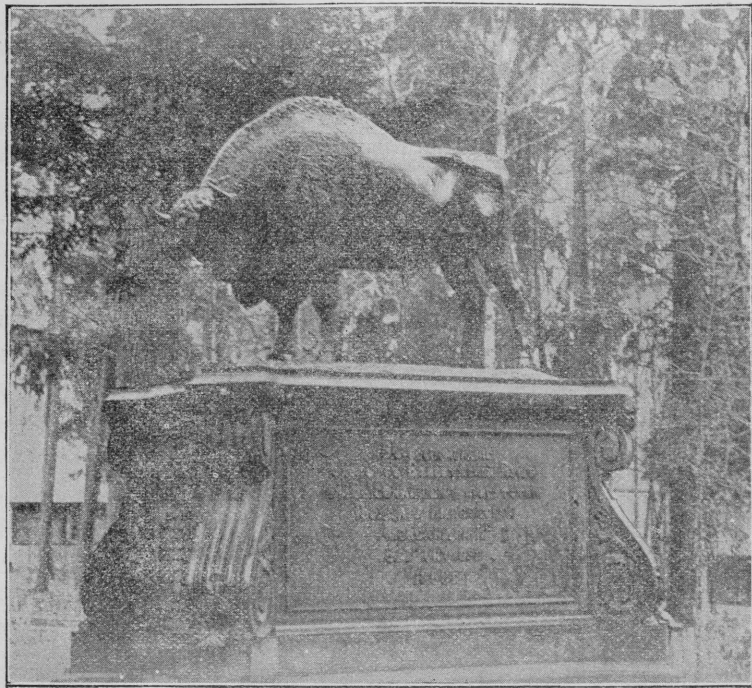
Закипѣла работа. Въ лѣсу ея было занято постоянно до двухъ тысячъ крестьянъ. Подъ наблюденіемъ мѣстнаго лѣсничаго, поручика фонъ-Штральборна, и унтеръ-егермейстера Иванова производились облавы для загона звѣрей; загонялись не только зубры, но и лоси, серны, кабаны, лани, лисицы, волки и зайцы. Въ селѣ же Бѣловѣжѣ въ то же время шли работы по устройству временныхъ помѣщеній для Высокихъ Гостей.

И вотъ, въ ночь съ 4 на 5 октября прибыли въ Бѣловѣжъ приглашенные Императоромъ на охоту: его королевское высочество принцъ Карлъ прусскій, его королевское высочество принцъ Августъ Виртембергскій и принцъ Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій. Въ ночь же съ 5 на 6 октября, въ одномъ экипажѣ съ великимъ герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ, изволилъ прибыть Императоръ, а вслѣдъ за ними прибыла въ Бѣловѣжъ и вся многочисленная свита.

Облавами, о которыхъ мы упомянули раньше, звѣри были загнаны въ особоустроенный въ пушчѣ звѣринецъ, занимавшій въ то время пространство въ 7 квадр. верстъ (въ настоящее время звѣринецъ простирается на 14 кв. верстъ). Въ звѣринцѣ, на простѣкѣ въ триста сажень длиною, устроено было для охотниковъ двѣнадцать небольшихъ крытыхъ, убранныхъ древесными вѣтвями, галлерей или такъ называемыхъ штандовъ. Императоръ, занявъ первый штандъ слѣва, на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ западной стороны звѣринца, приказалъ подать сигналъ для начатія охоты. Расположенная въ противоположномъ концѣ звѣринца облава двинулась сгонять звѣрей къ штандамъ и остановилась только на ружейный выстрѣлъ отъ линіи огня. Въ это время лѣсная стража спустила своры гончихъ. Послышался трескъ ломающихся сучьевъ, и вскорѣ, изъ густи лѣса выбѣжало нѣсколько громадныхъ зубровъ. Раздался выстрѣлъ, и одинъ изъ самыхъ большихъ зубровъ палъ замертво раненый мѣткимъ выстрѣломъ Государя. Вслѣдъ затѣмъ Государемъ, на разстояніи 75 шаговъ, былъ убитъ пулей въ лобъ еще одинъ зубръ, и тогда ужъ послышался градъ выстрѣловъ другихъ охотниковъ, которые стрѣляли и въ прочихъ крупныхъ звѣрей и даже барсуковъ и зайцевъ, когда не было зубровъ.

Цѣлыхъ два часа ружейный огонь не прекращался ни на минуту и утихъ лишь тогда, когда, въ 4 часа пополудни, Императоръ приказалъ прекратить охоту. Въ этотъ день было убито 44 звѣря; изъ нихъ Императоромъ 22 штуки, а остальные — Высокими Гостями и свитою. Въ оба же дня Царской охоты, 6 и 7 октября, пало: 28 зубровъ, 2 лося, 10 ланей, 11 кабановъ, 16 волковъ, 7 лисицъ, 4 барсука и 2 зайца.

Въ воспоминаніе этой охоты, товарищемъ министра государственныхъ имуществъ исходатайствовано было у Государя соизволеніе воздвигнуть памятникъ, для коего избрана была лежащая въ 200 шагахъ отъ звѣринца небольшая поляна, на которой собственноручно Его Величествомъ, а затѣмъ и иностранными принцами посажено было по одному листовному деревцу. Деревца эти окружаютъ гордо возвышающійся скульптурный

съ изображеніемъ огромнаго зубра памятникъ, на пьедесталѣ коего вырѣзаны имена иностранныхъ принцевъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, принимавшихъ въ этой охотѣ участіе.

Отъ воспоминанія объ этой знаменитой Царской охотѣ перейдемъ теперь къ разсказу о томъ, какъ вообще происходили въ послѣднее время и происходятъ теперь охоты на зубровъ.

Прежде всего мы должны замѣтить, что самымъ подходящимъ временемъ для охоты на зубровъ, является либо поздняя осень либо ранняя весна. Пространство и густота лѣса въ Бѣ-

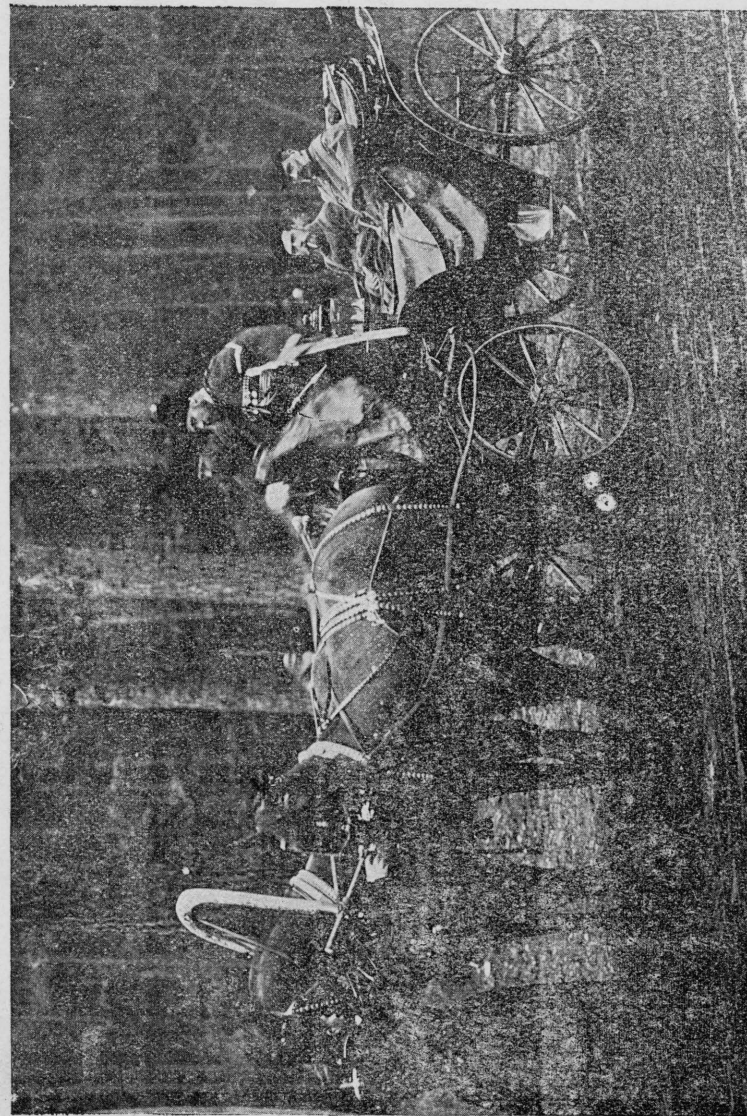
ловѣжѣ требуютъ для каждой облавы отъ тысячи пятисотъ до двухъ тысячъ снабженныхъ палками людей и множества своръ собакъ, ведомыхъ соотвѣствующимъ числомъ конныхъ и пѣшихъ одѣтыхъ въ специальную форму казенныхъ егерей. Остальные егеря изъ числа 200 обязаны трубить въ охотничьи рожки. За егерями тянется обыкновенно длинный рядъ повозокъ, бричекъ и крестьянскихъ телѣгъ, нагруженныхъ необходимыми въ данномъ случаѣ приборами и съѣстными припасами для охотниковъ и всей облавы. Когда всѣ соберутся въ назначенномъ мѣстѣ и когда мѣстность, въ которой было усмотрѣно стадо зубровъ, окружена облавою, тогда вокругъ этого пространства разводятся костры, назначеніе которыхъ не столько состоитъ въ томъ, чтобы согнать въ одно мѣсто зубровъ сколько въ томъ, чтобы могли погрѣться люди и приготовить себѣ пищу. Въ это время среди крестьянъ въ нѣкоторыхъ промежуткахъ становятся егеря, которыхъ, кромѣ специальной формы одежды, отличаютъ еще большіе металлическіе знаки на груди и легкія блестящія ружья. Охотники же и любители сильныхъ ощущений быстро занимаютъ назначенныя мѣста у нумерованныхъ деревьевъ, отъ которыхъ имъ воспрещается удаляться и стрѣлять, пока не настанетъ ихъ очередь. Почетные же участники охоты, коронованныя особы и члены ихъ семействъ, помѣщаются въ особую для этой цѣли устрояемыхъ бесѣдкахъ, или такъ называемыхъ штандахъ, обставленныхъ кругомъ елками.

Наконецъ, раздается выстрѣлъ или звукъ охотничьяго рожка—разговоры прекращаются, воцаряется глубокая величественная тишина и начинается облава. Сначала до ушей присутствующихъ доходитъ какъ-бы отзвукъ приближающейся бури. У каждаго сердце начинаетъ биться сильнѣе.... кровь заиграла въ жилахъ, приливаетъ къ головѣ и туманитъ глаза; дрожащая рука—у однихъ отъ охотничьей страсти, у другихъ отъ страха—инстинктивно хватается за ружье, словомъ, всѣ лихорадочно выжидаютъ мгновенія, когда изъ лѣсной чащи явится царь пуши-зубръ! Черезъ нѣкоторое время звукъ трубъ, вырывающіеся изъ груди тысячи людей крики, стукъ палокъ о деревья и холостые выстрѣлы становятся все явственнѣе и явственнѣе, и, наконецъ, появляются охваченные паническимъ страхомъ звѣри. Первыми обыкновенно бѣгутъ лиса или волкъ, за ними же по очереди

стремятся лоси, серны, рыси, и кабаны. Но всей этой массѣ звѣрей, столь соблазнительныхъ для охотника въ другое время, дозволяется пройти безнаказанно и скрыться; такъ какъ глаза всѣхъ выжидаютъ появленія зубровъ, то на нихъ лишь однихъ устремлено вниманіе всѣхъ участниковъ охоты.

Наконецъ лай, визгъ и вой собакъ, переходящій въ какую то адскую музыку, указываетъ на приближеніе зубровъ. Облава, дойдя до заранѣе опредѣленнаго мѣста, сразу утихаетъ, и въ лѣсу воцаряется могильная тишина. Но вскорѣ до слуха доходить трескъ словно падающихъ деревьевъ и ломающихся вѣтвей, и изъ за густой чащи показывается громадная, кудрявая, бородатая, украшенная парой развѣсистыхъ роговъ, голова вожака стада, за нимъ другая, третья, а за ними и все стадо зубровъ. Какъ-бы предчувствуя, что внезапная тишина, воцарившаяся въ пущѣ вслѣдъ за наполнявшимъ ее гамомъ и шумомъ, должна грозить чѣмъ либо недобрымъ,—зубры останавливаются. Налитые кровью глаза принимаютъ выраженіе жестокости и быстро перебѣгаютъ съ предмета на предметъ. Голова его гордо поднимается вверхъ, всѣ члѣны, кажется, выпрямляются и вытягиваются, и въ каждомъ движеніи, въ каждой позѣ проглядываетъ величественность царя пущи, видна готовность встрѣтить лицомъ къ лицу ожидающую его опасность и рѣшимость не дешево продать свою жизнь. Но видя вокругъ себя массу людей, зубры вдругъ отступаютъ назадъ съ цѣлю пробиться во что бы то ни стало сквозь тѣсный рядъ гонителей. Тутъ ихъ встрѣчаетъ залпъ выстрѣловъ изъ сотни заряженныхъ однимъ лишь порохомъ ружей. Тогда зубры опять устремляются впередъ и отъ страха уже безсознательно бросаются на роковую для нихъ бѣсѣдку, изъ которой самые опытные стрѣлки мѣткимъ выстрѣломъ поражаютъ извѣстное, заранѣе опредѣленное количество звѣря. Зубръ однако рѣдко падаетъ отъ одного выстрѣла. Чтобы убить его, нужно попасть либо въ лопатку, либо въ шею, либо въ глазъ, или всадить ему, по меньшей мѣрѣ, три заряда. Если же попасть ему въ лобъ, то даже отъ нѣсколькихъ пуль зубръ не всегда падаетъ мертвымъ. Былъ случай (1844 г.), что раненый въ ногу старый зубръ, прислонившійся къ дереву, получилъ шесть пуль въ лобъ и продолжалъ еще жить; уналъ онъ только тогда, когда при седьмомъ выстрѣлѣ пуля пронзила ему лѣвый глазъ

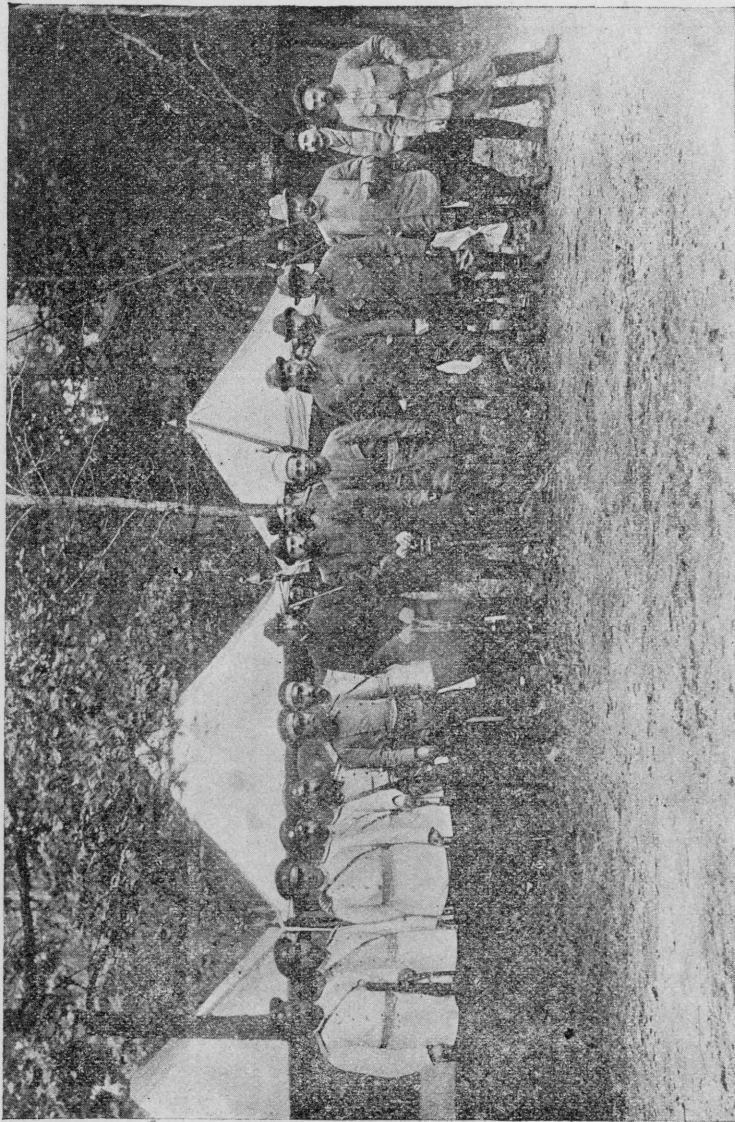
Послѣднія двѣ Высочайшія охоты состоялись, какъ я ска-
залъ выше, въ 1894 и въ 1897 годахъ.

Высочайшій выѣздъ на охоту.

Первая изъ нихъ продолжалась съ 20 по 30 Августа. Въ ней принимали участіе: Императоръ Александръ III, Наслѣдникъ

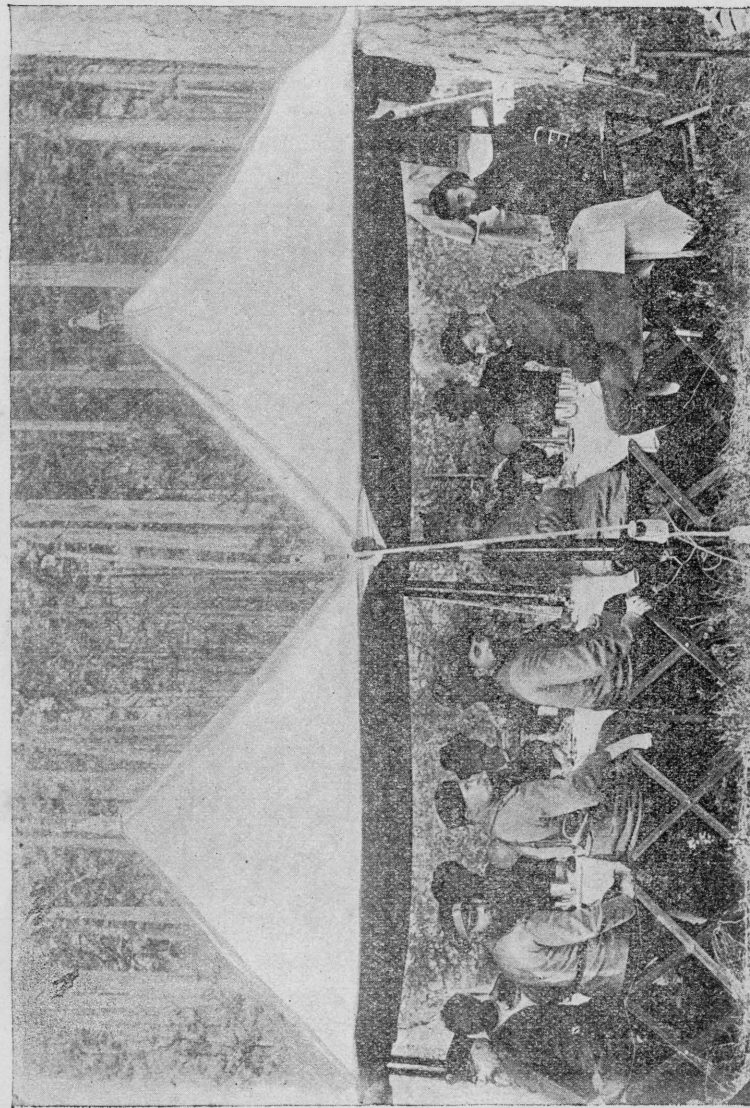
Цесаревичъ, Великіе Князья Георгій Александровичъ, Михаилъ

Высочайшая охота.

Александровичъ, Владиміръ Александровичъ, королевичъ греческій Николай и 9 высокопоставленныхъ особъ.

На охотѣ было убито дичи 82 штуки, въ томъ числѣ: 8

Высочайшій завтракъ.

зубровъ, 20 лосей, одинъ олень, 15 дикихъ козъ, 33 кабанъ, 4 лисицы и одинъ заяцъ.

Послѣдняя Царская охота, происходившая въ 1897 году продолжалась съ 28 Августа по 7 Сентября. Въ ней участвовали: Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ, великіе князья: Владиміръ Александровичъ, Михаилъ Николаевичъ, Николай Николаевичъ, Принцъ Альтенбургскій и 10 высокопоставленныхъ особъ.

На охотѣ всего было убито 209 штукъ дичи, въ томъ числѣ лично Его Величествомъ убито: 7 зубровъ, 3 лося, 1 олень, 2 кабана и 1 лисица, а прочими лицами: 30 зубровъ, 33 лося, 24 оленя, 69 дикихъ козъ, 3 даниеля, 14 кабановъ, 17 лисицъ, 3 зайца и 2 глухаря.

VI.

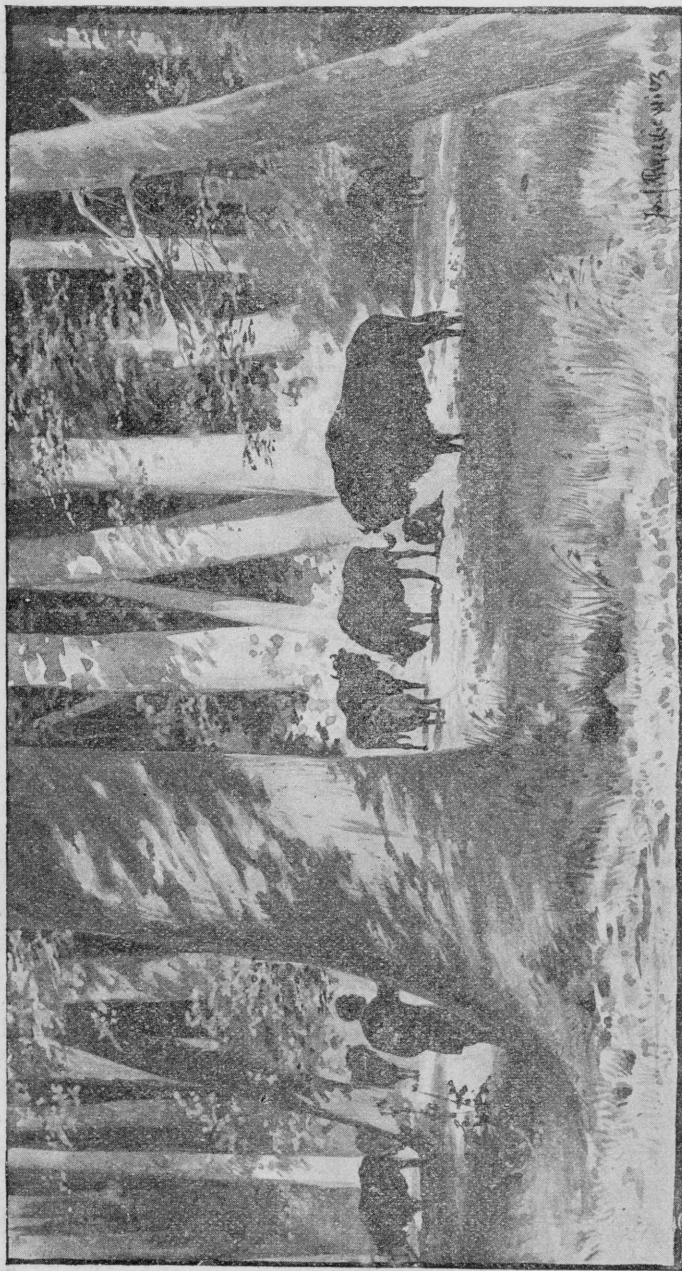
ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ ЗУБРА,

его жизнь и обычаи.

Мнѣ предстоитъ говорить о жизни и обычаяхъ царя Бѣловѣжской пуши—зубра, наибольшаго въ настоящее время и самаго величественнаго материковаго звѣря во всей Европѣ. Я не могу, конечно, исчерпать въ этомъ мѣстѣ всей этой интересной въ научномъ отношеніи темы. Я желаю лишь добавить кое-что, къ весьма скудному, къ сожалѣнію, запасу свѣдѣній у нашего читающаго общества относительно этого громаднаго, вымирающаго, уже,—какъ это я пытался доказать цифрами,—и вслѣдствіе этого еще болѣе заслуживающаго вниманія животнаго.

Зубръ (Zubr, bison européen, bos urus, thur, Auerochs), составляющій, какъ извѣстно, особый видъ среди млекопитающихъ, (онъ принадлежитъ къ числу жвачныхъ двукопытныхъ, къ семьѣ пусторогихъ), во время полнаго развитія, между 3 и 6 годами своей жизни, имѣетъ въ длину,—отъ роговъ до хвоста,—около 8 футовъ, въ высоту же,—отъ копытъ переднихъ ногъ до крайней верхней точки горба,— $5\frac{1}{2}$, а отъ копытъ заднихъ ногъ до хребта— $4\frac{1}{2}$ фута. Обхватъ передней части зубра составляетъ обыкновенно $11\frac{1}{2}$ фута, а вѣситъ онъ среднимъ числомъ отъ 35 до 40 пудовъ. Размѣры эти, какъ видимъ, громадны, но

Зубры въ Бѣловѣжской пущѣ.

они значительно меньше тѣхъ, какіе имѣло это животное прежде. Такъ, между прочимъ, въ одномъ изъ документовъ, описывающихъ охоту на зубра, мы находимъ упоминаніе о томъ, что графъ Георгій Фридрихъ въ 1595 г. убилъ близъ Фридрихсбурга зубра въ 7 фут. ростомъ и 13 длины. Убитый же въ 1612 году графомъ Іоанномъ Сигизмундомъ зубръ вѣсилъ 44½ пуда.

И силу имѣть зубръ вполне соответствующую этимъ размерамъ. Чтобы дать читателямъ понятіе о ней, напомнимъ лишь, что случалось, что разъяренный зубръ, иногда перебрасывалъ черезъ себя рогами крестьянскую лошадь вмѣстѣ съ санями. Великій князь русскій Владиміръ Мономахъ, въ своемъ завѣщаніи дѣтямъ, рассказываетъ о разныхъ опасностяхъ, которымъ онъ подвергался въ продолженіе всей своей жизни и, между прочимъ, говоритъ также и о томъ, что ему дважды случалось быть подброшеннымъ вверхъ вмѣстѣ съ лошадью рогами зубра. Но вѣдь и рога-то порою бываютъ у него,—такъ ужъ и рога! Попадаются зубры, между рогами которыхъ удобно могли-бы сидѣть рядомъ три человѣка. Рога его обыкновенно бываютъ чернаго цвѣта, умѣренной длины, круглые, немного идущіе впередъ и, какъ у быка, поднятые вверхъ; они находятся на самомъ краю темянной кости, вслѣдствіе чего и являются очень раскидистыми.

Лобъ у зубра выпуклый, болѣе широкій, чѣмъ длинный; морда у него небольшая, на подобіе козьей, суженная въ концѣ; ноздревыя отверстія косыя; края поздрей и середина верхней губы лишены шерсти; губы, языкъ и нѣбо имѣютъ свѣтло-синій цвѣтъ. Ухо у зубра небольшое, поросшее со всѣхъ сторонъ шерстью; переднія ноги значительно короче заднихъ; шея и подбородокъ круглые, покрытые длинной густой шерстью, которой покрыто и все пространство отъ переднихъ ногъ до половыхъ органовъ. Шерсть эта образуетъ спереди родъ бороды, которая у зубрицъ и молодыхъ самцовъ бываетъ обыкновенно длиннѣе, чѣмъ у старыхъ. Борода эта, почти всегда черная, бываетъ длиною отъ 8 до 10 дюймовъ. Черной шерстью, кромѣ бороды, покрыты также и виски; хвостъ и копыта также черные; шерсть же на остальномъ тѣлѣ всегда безъ исключенія темно-коричневаго цвѣта; лишь густая, кудрявая грива зубра имѣетъ цвѣтъ средний между чернымъ и коричневымъ. Шерсть зубра весьма мягкая, а на передней части тѣла даже пушистая; къ зимѣ она

становится длиннѣе и темнѣе, въ февралѣ же обыкновенно линяетъ.

Глаза у зубра, снабженные вертикально—продолговатой, сжуженной въ серединѣ, зѣницей, большіе, выпуклые, цвѣта чернаго съ краснымъ оттѣнкомъ. Взглядъ у зубра, когда онъ въ нормальномъ состояніи, ласковый, пріятный и умный; когда же онъ сердитъ и раздраженъ, то глаза его наливаются кровью и принимаютъ выраженіе жестокости и дикости. Между прочимъ, въ такое возбужденное состояніе приводитъ зубра ненавистный для него красный цвѣтъ. Чацкій упоминаетъ о томъ, что въ одной рукописи XV вѣка разсказывается фактъ страшнаго наказанія, которому подвергнулъ великій князь литовскій одного изъ своихъ придворныхъ. Онъ велѣлъ одѣть несчастнаго въ платье краснаго цвѣта и пустить въ середину стада зубровъ, которые, какъ бѣшеные, кинулись на него и вмигъ затоптали до смерти.

Горбъ, о которомъ мы только-что упомянули, является у зубра вслѣдствіе того, что у него хребтовые позвонки чрезвычайно развиваются; достигая иногда 1 фута. длины, они образуютъ полукруглую выпуклость, имѣющую форму горба. Голосъ зубра имѣетъ большое сходство съ хрюканьемъ кабана. Феликсъ Яроцкій, извѣстный ученый зоологъ, сравниваетъ его голосъ со звукомъ отдаленнаго выстрѣла изъ ружья или съ раскатомъ грома и пытается выразить его словомъ *ту-у-уръ*, отчего, пожалуй, произошло второе названіе зубра—туръ. Одна изъ наиболѣе характеристичныхъ чертъ, отличающая зубра отъ американскаго бизона и быка, состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что, тогда какъ послѣдній имѣетъ 13 паръ реберъ, бизонъ 15 паръ, у зубра мы находимъ ихъ 14 и пять позвонковъ въ хребтѣ. Вторую отличительную черту бѣловѣжскаго зубра составляетъ сильный выделяющийся изъ его лба и мозга запахъ, напоминающій мускусъ. Подобный же запахъ имѣетъ и быкъ мускусный (*Bos moschatus*), живущій въ Мексикѣ; но у послѣдняго пропитано запахомъ этимъ все тѣло, а не лобъ только и мозгъ, какъ у нашего зубра. Въ любовный періодъ зубровъ этотъ характеристическій запахъ наполняетъ почти всю пущу и даетъ себя чувствовать на нѣсколько десятковъ шаговъ отъ любезничающей пары великановъ,—до того онъ силенъ.

Любовный періодъ у зубровъ начинается обыкновенно, смотря по погодѣ, въ концѣ августа или въ началѣ сентября и продолжается лишь двѣ недѣли. Въ это время наружность зубра измѣняется до неузнаваемости; она дѣлается привлекательнѣе, красивѣе, глаже, но вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ оттѣнокъ жестокости и вызывающей важности. Самцы дѣлаются обыкновенно смѣлѣе, бродятъ по поросшимъ молодымъ ельникомъ мѣстамъ и, для препровожденія времени, вырываютъ рогами молодые деревья, имѣющія въ діаметръ нерѣдко отъ 4 до 6 дюймовъ и носятъ ихъ по всему лѣсу, наполняя его неописаннымъ шумомъ и трескомъ. Отъ такихъ затѣй рога зубровъ портятся до того, что трудно видѣть зубра съ цѣлыми рогами; по большей части они протерты до кости, проколоты и поломаны. Битвы зубровъ между собой случаются въ то время почти каждагодневно; онѣ отличаются остервенѣніемъ и кончаются почти всегда смертью одного изъ борцовъ. Почти всегда одерживаетъ побѣду старый зубръ. Жертвой его силы и остервенѣнія бываютъ также и молодые трехлѣтніе самки, которымъ старые зубры ломаютъ своею тяжестью позвоночный столбъ, или же убиваютъ рогами въ припадѣ бѣшеной ревности. Не чужда ревность и старымъ разслабленнымъ зубрамъ, бродящимъ особо, по—одному въ пущѣ, а потому и называющимся мѣстнымъ населеніемъ „одинами“. Они обыкновенно стараются отогнать ненавистныхъ имъ молодыхъ самцовъ отъ стада и, въ періодѣ любви, усердно сопровождаютъ самокъ. Благодаря такимъ эгоистичнымъ, повторяющимся каждый годъ, поступкамъ со стороны стариковъ, зубрицы по нѣскольку лѣтъ подрядъ бываютъ лишены возможности стать матерями. Нерѣдко случалось, что въ пущѣ находили мертвыхъ зубрицъ въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ, которыя, какъ оказывалось, ни разу въ своей жизни не были тельными, хотя можно утвердительно сказать, что самцовъ въ пущѣ вдвое болѣе, чѣмъ самокъ.

Зубрицы достигаютъ половой зрѣлости на шестомъ году жизни и бываютъ тельны разъ въ 3 года, принося на свѣтъ одного и очень рѣдко (что еще, впрочемъ, не подтверждено въ достаточной степени) двухъ телятъ. Маленькій зубръ, тотчасъ по появленіи своемъ на свѣтъ, лишь только обсохнетъ, живо встаетъ на ноги и бѣжитъ за матерью. Въ продолженіе первыхъ двухъ лѣтъ своей жизни, т. е. все время своего пребыванія у

вымени матери, маленькій зубръ очень красивъ, а его короткая и широкая голова, поросшая длинною густою шерстью, дѣлаетъ его издали немного похожимъ на медвѣдя.

Зубры растутъ, какъ кажется, до 6 лѣтъ, живутъ же до 40. Они ходятъ обыкновенно большими стадами въ 25—40, а иногда и 60 головъ того и другого пола. Впереди стада обыкновенно шествуетъ вожакъ—громадный, бородатый, старый зубръ, или иногда старая зубрица. Приблизиться къ такому бродящему по пуцѣ стаду нѣтъ никакой возможности. При видѣ человѣка, оно обыкновенно убѣгаетъ тѣсною колонной, не обращая вниманія на встрѣчающіяся по пути преграды, топча и истребляя все рѣшительно. И долго еще послѣ этого слышится шумъ убѣгающихъ безъ оглядки животныхъ и трескъ отъ ломающихся кустовъ и вѣтвей! Насколько трусливы зубры, собранные въ стадо. настолько храбръ старый инвалидъ, отдѣленный отъ стада и бродящій въ одиночку, такъ называемый, какъ мы сказали выше, „одинецъ“. Такой отдѣльно бродящій по лѣсу зубръ, увидѣвъ человѣка, не только не пытается избѣгнуть съ нимъ встрѣчи, но наоборотъ, часто самъ нападаетъ на него. Это имѣетъ по большей части мѣсто тогда, когда онъ по какой либо причинѣ сердитъ или испуганъ. И когда онъ начнетъ мотать своей мощной головой, рыть землю ногами, или, ставъ на колѣни и облизываясь, станетъ копать землю рогами,—горе тому, кто тогда неосторожно приблизится къ нему! Онъ тогда быстро вскакиваетъ на ноги, бросается впередъ и съ необычайной для него живостью и остервенѣніемъ,—прямо съ яростью преслѣдуетъ своего врага.

Мы раньше упомянули о томъ, что зубры часто живутъ до 40 лѣтъ. Причиной естественной смерти у зубра является утрата зубовъ. Его передніе зубы очень густы, имѣютъ углубленіе въ коронѣ, выпуклы спереди, вогнуты сзади; такой видъ зубовъ даетъ возможность зубру обдирать кору даже съ самыхъ твердыхъ деревьевъ, какъ ясень, грабъ и т. п. Отъ обгрызыванія коры зубы подъ старость у зубра при тупляются совершенно, такъ что онъ въ концѣ концовъ теряетъ возможность пережевывать пищу, вследствие чего худѣетъ и издыхаетъ отъ голода. Насколько извѣстно, до сихъ поръ еще ни одна эпидемія не поражала зубровъ. Ибо

хотя есть преданіе, что въ Яхтуровской пуцѣ, лежащей подъ Варшавой, между Блонемъ,—Вискитками—и Сохачевомъ, (гдѣ до 1627 года находилось, по словамъ Яроцкаго, небольшое состоящее изъ 30 животныхъ стадо зубровъ, называвшихся тамъ туррами),—якобы вымерли всѣ зубры въ 1599 году отъ занесенной домашнимъ скотомъ заразы, тѣмъ не менѣе мы не перестаемъ утверждать, что зубръ, какъ кажется, не боится никакой эпидеміи. Почему это такъ, можно лишь догадываться. Во всякомъ случаѣ, достовѣрно извѣстно, что несмотря на то, что среди крестьянскаго скота, пасущагося почти рядомъ съ зубрами, не разъ распространялась всякая зараза, а чаще всего моровая язва, зубры всетаки всегда выходили изъ угрожавшей имъ опасности цѣлыми и невредимыми. Если же отъ времени до времени, а особенно весной, послѣ снѣжной и продолжительной зимы, среди зубровъ замѣчается болѣе чѣмъ обыкновенная смертность, то люди свѣдущіе приписываютъ ее или тому, что зубры, ощущая недостатокъ въ пищѣ,—особенно, когда выйдетъ весь приготовленный специально для нихъ запасъ сѣна,—часто поѣдаютъ обильно растущую въ пуцѣ на болотистой почвѣ траву „*cicuta virosa*“ и такимъ образомъ отравляются, или же отравляются почвеннымъ глистомъ (*Distoma hepaticum*).

Зимой зубры обыкновенно держатся въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ для нихъ нарочно поставлены лѣсной стражей стога сѣна. Бѣтъ его они начинаютъ не ранѣе, какъ упадутъ съ деревьевъ листья и земля замерзнетъ совсѣмъ. Когда же у зубровъ не хватаетъ своего сѣна, они принимаютъ безъ стѣсненія за крестьянскіе стога, оставляемые въ лѣсу на зиму, пока не установится санный путь, а это иногда имѣетъ мѣсто лишь въ февралѣ. Огораживаніе стоговъ не привело бы ни къ чему, такъ какъ зубръ въ состояніи разбросать рогами не только обыкновенный плетень, но даже порядочный построенный изъ бревенъ хлѣвъ. Какъ и буйволы, зубры, прежде чѣмъ приняться за ѣду, разбрасываютъ сначала весь стогъ, пли, просунувъ голову въ середину, ищутъ болѣе ароматной не выдохшейся еще травы. Добывая такимъ образомъ сѣно изнутри, зубры разбрасываютъ массу его на землю и топчутъ его ногами.

Когда зубръ занятъ ѣдой, можно, идя противъ вѣтра, подойти къ нему на 100 шаговъ и ближе. Если же идти

по вѣтру, то зубръ, благодаря тонкому обонянію и прекрасному слуху, чувствуетъ приближающагося къ нему человѣка, слышитъ его ходъ за 500 шаговъ и убѣгаетъ, какъ можно скорѣе. Зубры убѣгаютъ также при видѣ приближающагося стада пасущихся въ пущѣ, — къ сожалѣнію, слишкомъ свободно, — крестьянскихъ коровъ и рабочихъ воловъ. Но если зубръ случайно встрѣтится въ лѣсу съ обыкновеннымъ быкомъ, тогда онъ и не думаетъ отступать и съ бѣшенствомъ кидается на него и . . . будь это даже самый сильный тиролецъ, — одного удара рогами стараго зубра достаточно, чтобы непріятель палъ мертвымъ на мѣстѣ.

О томъ, что нѣкогда зубры жили во всѣхъ почти поясахъ земного шара, мы уже говорили въ одной изъ предыдущихъ главъ. Поэтому мы легко можемъ составить себѣ понятіе о разнообразіи травъ, которыя могутъ служить зубрамъ пищей. Они не брезгливы, однако выбираютъ лучшую траву и, благодаря превосходному обонянію, обыкновенно попадаютъ туда, гдѣ растетъ болѣе ароматная и сочная. Къ числу предпочтительныхъ и наиболѣе любимыхъ ими травъ, по словамъ лѣсной стражи и обитателей Бѣловѣжской пущи, принадлежатъ, между прочимъ: „зубровка“ — *Hierochloa borealis* (называемая въ Польшѣ „туровкой“); „жеружа“ — *Ranunculus repens* и „храбусть“ — *Cirsium oleraceum*. Далѣе „дубровка“ — *holcus odoratus aristotus*, *Calamagrostis arundinacea*, *Molinia coerulea* и еще нѣсколько другихъ. Запахъ первыхъ двухъ изъ вышеупомянутыхъ растений чувствуется даже въ молокѣ зубрицы, которое имѣетъ пепельный цвѣтъ, отличается обиліемъ жировъ, густотой и неособенно сладкимъ вкусомъ. Характерный запахъ мозга и пучка волосъ на лбу нѣкоторые приписываютъ именно влиянію названныхъ растений, охотно поѣдаемыхъ зубрами. Пространство, на которомъ растетъ излюбленная зубрами трава, или такъ называемые „зубровые луга“, обнимаетъ около 1000 десятинъ. Если мы, такимъ образомъ, примемъ 25 пудовъ, за среднее количество сѣна, получаемого съ каждой десятины, и число зубровъ (кромя телятъ), въ настоящее время имѣющихся въ пущѣ, выразимъ числомъ 400, а періодъ времени въ продолженіе котораго зубры питаются однимъ лишь сѣномъ, примемъ въ 4 мѣсяца, то придемъ къ выводу, что каждый зубръ съѣдаетъ ежедневно около

20 фунтовъ сѣна. Порція эта крайне недостаточна для такого гиганта, какъ зубръ. Какъ показали наблюденія, произведенныя надъ нимъ, когда онъ содержался въ хлѣву для прирученія, а также по сообщенію сторожей большихъ звѣринцевъ и зоологическихъ садовъ, имѣющихъ у себя отдѣльные экземпляры этого величественнаго животнаго, — зубръ въ состояніи съѣсть ежедневно, по меньшей мѣрѣ, пудъ сѣна и отъ 4 до 6 гарницевъ овса. Такимъ образомъ, то количество пищи, какое зубры получаютъ въ продолженіе всей зимы, составляетъ лишь $\frac{1}{2}$ того, что они могутъ съѣсть. Увеличеніе такимъ образомъ пространства луговъ, осушеніе болотъ и т. п. проектируемая или уже введенная улучшенія составляютъ для зубровъ почти гамлетовское: „быть или не быть?“.

Во время жаркихъ лѣтнихъ дней, когда безчисленныя массы наполняющихъ Бѣловѣжъ оводовъ (*Orestrus bovis*; *O. tarantus*; *O. nasalis*; *Musca tenax*; *Tipula plumosa*; *Colex pipieros* и другіе) начинаютъ сильно надѣдять и толстокожимъ зубрамъ, тогда цѣлыя стада послѣднихъ или забиваются въ самую глухую чащу, гдѣ по шею лѣзутъ въ болото, или съ превеликимъ удовольствіемъ погружаются въ воду рѣкъ и прудовъ, которыми такъ изобилуетъ Бѣловѣжъ и которые зубры переплываютъ съ удивительной ловкостью и безъ малѣйшаго опасенія; или, наконецъ, они убѣгаютъ въ ближайшіе сосновые боры, гдѣ, раскопавъ копытами песокъ, обсыпаютъ имъ другъ друга и валятся на подобіе лошадей, шаловливо выбрасывая ногами. Вообще зубръ любитъ удобства и не прочь пошалить. Когда, на примѣръ, зубръ, лежа на дорогѣ, грѣется на солнцѣ, то его не въ состояніи иногда поднять съ мѣста и заставить посторониться никакіе крики и запугиванія. Неоднократно случалось, что, встрѣтивъ въ пущѣ людей, везущихъ сѣно, зубръ не переставалъ преслѣдовать ихъ до тѣхъ поръ, пока они не догадывались, чего ему надо, и не дѣлились съ нимъ нѣсколькими горстями благоуханной травы. И всякія усилія въ этомъ случаѣ освободиться отъ назойливаго преслѣдователя не только не имѣютъ успѣха, но вызываютъ обыкновенно противоположныя послѣдствія. Зубръ тогда чувствуетъ себя нѣкоторымъ образомъ оскорбленнымъ въ своемъ величіи, принимаетъ оборонительную позицію, и тогда тотъ, кому

жизнь дорога, долженъ, отказавшись отъ всего, искать спасенія въ быстромъ бѣгствѣ.

Вообще зубръ, раздраженный чѣмъ либо, а въ особенности раненый, несмотря на врожденную серьезность и ласковость, дѣлается жестокимъ и бѣшенымъ. Тотъ, кому хоть разъ въ жизни пришлось присутствовать на охотѣ зубровъ, навѣрно былъ свидѣтелемъ какого-либо несчастнаго случая, безъ котораго почти никогда дѣло не обходится. Изъ весьма многихъ извѣстныхъ мнѣ примѣровъ сообщу здѣсь читателямъ лишь два выдающіеся, носящіе отчасти историческій характеръ.

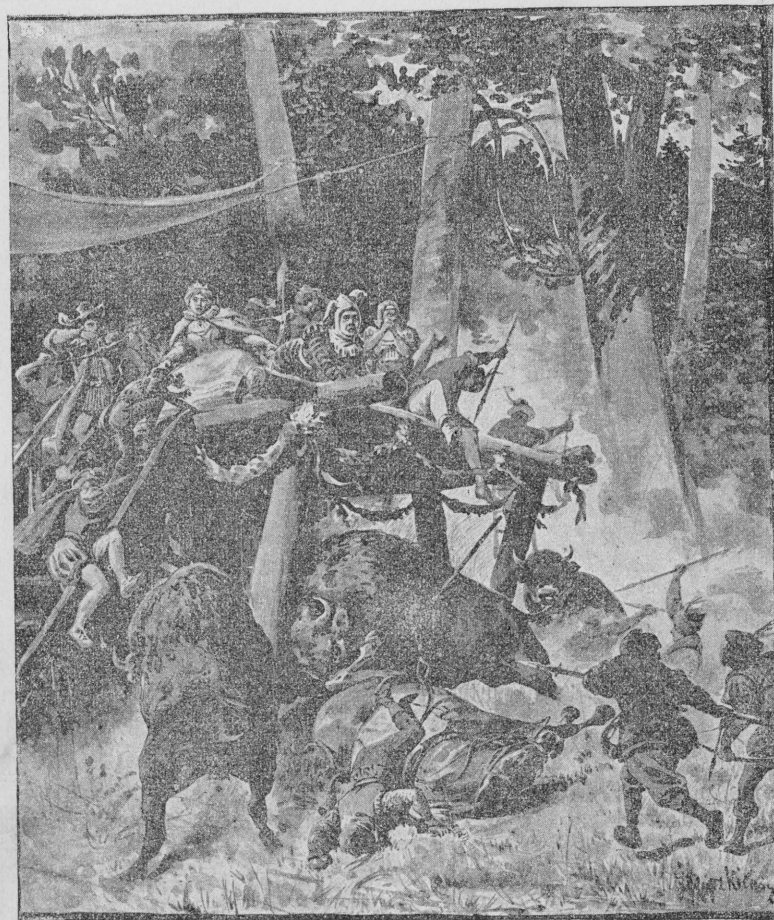
Маститый авторъ „Крестоносцевъ“—Сенкевичъ, описывая охоту на зубровъ князя мазовецкаго Януша съ княгиней Анной Данутой, дочерью Кейстута, ранившей стрѣлой колоссальнѣйшаго быка, рассказываетъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Туръ бросился вихремъ прямо на княгиню, но въ тотъ же мигъ изъ за деревьевъ выскочилъ де-Лорхъ *), наклонился къ гривѣ коня съ протянутымъ копьемъ, какъ на рыцарскомъ турнирѣ, и устремился на звѣря. Вдругъ охотники увидѣли, какъ онъ воизилъ свое копье въ спину быка: древко согнулось, какъ лукъ, и разлетѣлось въ дребезги, а рогатый лобъ звѣря весь ушелъ въ брюхо коня . . . Не успѣли присутствующіе вскрикнуть отъ ужаса, какъ конь и его всадникъ съ быстротою молнии полетѣли вверхъ. Лошадь, упавъ въ сторону, начала бить въ предсмертныхъ судорогахъ ногами, запутывая ихъ въ собственныхъ вывалившихся изъ брюха кишкахъ; де-Лорхъ же лежалъ вблизи безъ движенія, похожій въ своемъ стальномъ вооруженіи на большой желѣзный клинъ. Между тѣмъ, туръ какъ будто колебался, броситься—ли ему на другихъ коней, или на свои жертвы, которыя уже лежали передъ нимъ. Но, должно быть, онъ предпочелъ послѣднихъ, повернулся къ нимъ и началъ издѣваться надъ несчастнымъ конемъ, терзая рогами съ отчаяннымъ ожесточеніемъ его распоротое брюхо“.

Второй случай,—приложеннымъ при семъ художественнымъ изображеніемъ коего мы обязаны польскому живописцу, г. І. Рышкевичу,—имѣлъ мѣсто въ началѣ XVI столѣтія и чуть бы-

*) Фулькъ де-Лорхъ, рыцарь изъ Лотарингіи, гостившій съ крестоносцами Готфридомъ и Ротгеромъ на дворѣ князя Януша,

ло не кончился смертью Елены, дочери великаго князя Московскаго и жены великаго князя Литовскаго Александра. Жившій въ то время въ лидскомъ замкѣ князь Александръ отправился съ супругой своей Еленой на охоту въ Бѣловѣжъ. Для того, чтобы молодой княгинѣ удобнѣе было наблюдать за охотой устроили подмости, нѣчто въ родѣ теперешней трибуны, на которой размѣстились княгиня и весь ея придворный

штатъ. Сотни охотниковъ окружили оступъ, зная навѣрно, что въ немъ обитаетъ огромное стадо зубровъ. Зубры,

испуганные звуками роговъ, крикомъ облавы и лаемъ преслѣдующей ихъ псарни, съ бѣшенствомъ помчались впередъ, преодолевая всѣ встрѣчаемыя на дорогѣ преграды. Замѣтивъ однако пестрѣющую на полянѣ свиту великой княгини, перемѣнили направление и съ яростью бросились на нее, рани и топча опрокидываемыхъ ѣздоковъ и лошадей. Кто могъ, спасался бѣгствомъ, многіе же начали взбираться на великокняжескую трибуну. За ними погнались и зубры, и, встрѣтивъ преграду, начали съ бѣшенствомъ и неимоверною силой ударять рогами въ поддерживающіе подмостки столбы; трибуна, не выдержала столь сильныхъ и многочисленныхъ ударовъ и рухнула, калѣча и убивая многихъ; изнемогавшую же отъ страха княгиню Елену спасла во время еще подосѣвшая облава.

Убіеніе зубра однимъ выстрѣломъ принадлежитъ къ числу геройскихъ, весьма рѣдко случающихся подвиговъ. Подобное героизму выпало въ 1853 году на долю гр. Михаила Тышкевича, который однимъ выстрѣломъ изъ штуцера повалилъ на мѣстѣ громаднаго зубра, предназначеннаго для Юрьевского (Дерптскаго) университета. Однажды зубрица, которой засадили одновременно до пяти пуль упала и, казалось, околѣла. Одинъ изъ охотниковъ возымѣлъ желаніе сѣсть на нее верхомъ. Но не успѣлъ онъ сѣсть ей на шею, какъ зубрица внезапно поднялась на ноги, быстро пробилась сквозь толпу удивленныхъ охотниковъ и пала лишь, пробѣжавъ двѣ версты, пораженная градомъ новыхъ выстрѣловъ. Въ другой же разъ, это было въ 1848 году, хранитель музея при Кіевскомъ университетѣ выстрѣлилъ въ приближающагося къ нему зубра и ранилъ его смертельно. Видѣ себя отъ боли, животное, собравшись съ послѣдними силами, бросилось на своего убійцу, но заплывшіе кровью глаза ввели зубра въ заблужденіе и онъ, не будучи въ состояніи отличить бѣлой пубы профессора отъ кучи снѣга, въ которую ему удалось спрятаться, перепрыгнулъ черезъ него и палъ рядомъ мертвый. Въ 1851 г. во время охоты на зубровъ въ Бѣловѣжской пуцѣ, устроенной съ цѣлью убить двухъ зубровъ для вѣнскаго зоологическаго кабинета, раненый 10 пулями зубръ, устроилъ такую штуку: истекая кровью, онъ побѣжалъ тихо вглубь пуцы, слѣдомъ за нимъ пустились два-три охотника. Одному изъ нихъ, желавше-

му отличиться, пришла охота догнать его и выстрѣлить еще разъ. Но не успѣлъ онъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, какъ зубръ повернулся къ нему, напалъ на него съ неимоверной быстротой, и, хотя тотъ спрятался за дерево, отыскалъ его и тамъ поднялъ на рога и отбросилъ вверхъ почти на три сажени отъ себя.

Въ половинѣ іюля, или въ началѣ августа, въ Бѣловѣжской пуцѣ устраиваютъ ежегодно правильныя облавы на волковъ, медвѣдей и рысей. Это тѣмъ не менѣе не мѣшаетъ волкамъ съѣдать ежегодно по нѣсколько молодыхъ зубрицъ и телятъ. Во время весенней и осенней оттепели волки устраиваютъ положительную облаву на зубровъ. Для этого они пытаются, какимъ бы то ни было образомъ отдѣлится отъ стада молодого зубра, загоняютъ его на ледъ и, пользуясь тѣмъ, что онъ долго не можетъ удержаться на скользкой поверхности льда и падаетъ, бросаются на него и заѣдаютъ. Правда, старые зубры и зубрицы при видѣ грозящей имъ опасности, принимаютъ всегда оборонительную позицію, уводятъ въ середину молодыхъ зубрицъ и телятъ; однако волкъ употребляетъ столь хитрые маневры, что почти всегда съумѣетъ разогнать стадо и устроить себѣ пиръ изъ одного, но крайней мѣрѣ, зубра.

Вотъ одна изъ причинъ, объясняющая замѣченный уже мною раньше фактъ, что несмотря на ежегодный отъ 7% до 10% приплодъ, число зубровъ въ Бѣловѣжской пуцѣ нисколько за послѣдніе, напримѣръ, двадцать лѣтъ (съ 1873 г. по 1892) не увеличилось,—одна изъ причинъ, повторяю, но отнюдь къ сожалѣнію, не единственная, да притомъ такая, которую и устранить легче другихъ. Есть причины поважнѣе и посерьезнѣе, которыя не только устранить, но хоть сколько нибудь ослабить ихъ значеніе и дѣйствіе нѣтъ рѣшительно никакой возможности. Наблюденія въ звѣринцахъ, какъ напримѣръ въ Бѣловѣжскомъ, такъ и въ Силезіи, въ Оппелнѣ, гдѣ княземъ Плессъ, не смотря на видимую неудачу и громадныя затраты, производятся опыты размноженія, скрещиванія и прирученія зубровъ,—показали, что ни обильный кормъ, ни самый тщательный уходъ не могутъ уменьшить убыли молодыхъ зубровъ, которыхъ смертность въ возрастѣ до одного года, въ среднемъ достигаетъ 50% ихъ ежегоднаго приплода.—Отчасти эта убыль объясняется

падежомъ зубрять отъ голода и истощенія за недостаткомъ молока у старыхъ самокъ, родящихъ телятъ уже слабыми и хилыми; частью же вызывается случаями, когда телята, отбившись отъ матокъ, запутываются гдѣ нибудь въ валежникѣ и дѣлаются добычею хищныхъ звѣрей или же гибнуть съ голоду. Точно также 250/0 ежегоднаго недочета зубровъ приходится на долю убитыхъ старшими зубрами телятъ на кормовыхъ пунктахъ, гдѣ они зимою скрываются и ведутъ ожесточенный бой изъ за корма.

Кромѣ же этого, недостатокъ подножнаго корма; измѣненіе растительности пуши, по причинѣ истребленія лѣсовъ въ окрестностяхъ, теряющихъ все болѣе и болѣе прежнее обиліе водъ; постепенное, за невозможностью освѣженія крови посредствомъ новыхъ репродукторовъ, вырожденіе зубровъ; то — уменьшающаяся, то — принимающая повальный эпидемическій характеръ и много жертвъ стоящая зубрамъ вышеупомянутая „*Distoma hepaticum*“; наконецъ, констатированная мною уже раньше малая рождаемость зубровъ, являющаяся слѣдствіемъ преобладанія въ стадахъ физически разслабленныхъ старыхъ самцовъ, — все это вмѣстѣ взятое не только дѣлаетъ понятнымъ тотъ фактъ, что несмотря на ежегодный, почти 100/0 приплодъ, количество зубровъ несколько не увеличивается и рѣдко превышаетъ опредѣленную нами норму 500, но прямо таки заставляетъ удивляться, что зубры, эти *morituri* животнаго царства, давно уже осужденные естествоиспытателями на постепенное, хотя и медленное вымирание, сохранились еще до сихъ поръ въ томъ же почти числѣ, какъ и прежде.

Такъ, однако, или иначе, но недалеко уже, надо полагать, то время, когда столь рѣдкое, интересное, величественное и громадное животное, — царь Бѣловѣжской пуши и украшеніе всей Гродненской губерніи, которой онъ служитъ гербомъ, — зубръ, исчезнетъ, къ сожалѣнію, разъ на всегда съ материка Европы!

О Г Л А В Л Е Н І Е .

I. Историческій очеркъ Бѣловѣжской Пуши.	5.
II. Топографія, этнографія, фауна и флора Бѣловѣжа	15.
III. Прежнее и нынѣшнее мѣстопробываніе зубровъ	23.
IV. О тождествѣ названій зубра и тура	29.
V. Охота на зубровъ	33.
VI. Естественная исторія зубра и его обычаи	47.

Опечатки.

- 1) На стр. 24—строка 27—вмѣсто: „Hist Regni Pol“ должно быть „Hist. natur. Regni Pol.“
- 2) На стр. 34—строка 16—вмѣсто: „метя“ должно быть: „мстя“.
- 3) На стр. 39—строка 4—снизу: пропущены слова: „штукъ разнаго“.
- 4) На стр. 42—сверху вмѣсто: „соблазнительныхъ“ должно быть: „соблазнительныхъ“.
- 5) На стр. 47—строка 11—вмѣсто: „Zubr“ должно быть: „Żubr“.

-
- 6) На стр. 30—строка 9—вмѣсто „управши“ должно быть „упавши“.
 - 7) На той-же стр.—строка 3 снизу—вмѣсто „раненный“ должно быть „раненый“.
 - 8) На стр. 42—строка 19 сверху—вмѣсто „выпрямляются“ должно быть „выпрямляются“.
 - 9) На стр. 53—строка 20 вмѣсто— „отравляются почвеннымъ глистомъ“ должно быть „падаютъ жертвою печеночнаго глиста“.
 - 10) На стр. 56—строка 6—вмѣсто „на охотѣ зубровъ“ должно быть „на охотѣ на зубровъ“.

Książnica Podlaska
im. Ł. Górnickiego w Białymstoku

KP-BG-0497899